ГАСТОН ЛЕРУ

ЗАКОЛДОВАННОЕ КРЕСЛО

ИЗДАТЕЛЬСТВО :ПРОЛЕТАРИЙ:

IX 595.14
кор
1

ГАСТОН ЛЕРУ

ЗАКОЛДОВАННОЕ КРЕСЛО

САТИРА
НА ФРАНЦУЗСКУЮ АКАДЕМИЮ НАУК

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО N. N.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ".

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

[84.—7=9171]

479669

Укрглавлит № 5267 Заказ № 53 Тираж 4.000

ОТ РЕДАКЦИИ

Гастон Леру — романист, пользующийся большой известностью во Франции. Его романы имеют значительный успех именно вследствие той особенности автора, что, прикрываясь, якобы, загадочной фабулой и снабжая свой роман большим количеством приключений и трюков, он незаметно, но неуклонно переходит в чистейшую сатиру, порой едкую и бьющую в самую цель. С другой стороны, Леру в свои романы всегда вводит элемент общественности и в итоге осмеивает не отдельных лиц, а целый круг общества, ту или иную сторону буржуазного уклада, те или иные вредные и смешные стороны быта и традиций.

Прекрасным примером такого сатирического романа Гастона Леру является его „Заколдованное кресло“ („Le fauteuil hanté“). Под личиной приключенчества роман является определенным памфлетом против Французской Академии, косного учреждения, живущего традициями и воспоминаниями, но, как ее секретарь Патар, не видящего дальше своего носа.

Леру, знающий французскую публику и ее почтение к пресловутой Академии, не рискнул написать

явный памфлет, а должен был скрыть его под довольно прозрачной внешностью „авантюрного“ романа. Но все „тайны“ романа умышленно нелепы, и из-за кажущейся серьезности нет-нет и брызнет струйка насмешки.

Таким образом, „Заколдованное кресло“ получает особую окраску общественного интереса. Показательно для буржуазной Франции то обстоятельство, что роман выдержал только одно издание и подвергся чуть ли не общественному бойкоту. И нам кажется, что это усугубляет его интерес для современного русского читателя.

ГЛАВА I

Смерть одного героя.

— Да он храбрец...

— Вы не знаете, у него есть дети?

— Нет, он вдовец.

— Тем лучше.

— Все же будем надеяться, что он останется жив.

Услышав эти фразы, проходящий поднял голову. Это был торговец картинами и антикварными вещами Гаспар Лалует, торговавший на улице Лафитт.

И в ту же минуту он чуть не слетел с тротуара. Трое студентов в жарком споре толкнули его и пробежали дальше, не извиняясь.

Лалует был тихий и кроткий человек и ничего не сказал им.

— Спешат на какую-нибудь дуэль,— проворчал он.— Ах, молодежь...

И он принялся рассматривать вещи в витрине магазина.

В это время кто-то сзади произнес:

— Да, это безусловно храбрый человек.

На что другой голос ответил:

— Говорят, он трижды совершил кругосветное путешествие. Но я бы не хотел быть теперь на его месте. Но... мы не опоздаем...

Лалует обернулся. Два старика торопливо шли к Академии.

Неужели и старики рехнулись? — подумал Лалует.

Он намеревался свернуть на улицу Мазарини, когда столкнулся с четырьмя человеками в цилиндрах и сюртуках, профессиональной одежде профессоров. Они кричали и жестикулировали:

— Вы будете утверждать, что он не сделал завещания?

— Да, это было бы большой ошибкой с его стороны.

— Говорят, что он не раз видел смерть в глаза...

— Но когда его пришли уговорить отказаться от выступления, он выставил всех за дверь.

— Но, может быть, он еще одумается?

— Он не трус.

— Вот он... вот он...

И четыре профессора побежали к Мосту Искусств, указывая на что-то.

Лалуета объяло жгучее любопытство увидеть человека, рискующего жизнью по неизвестным пока ему причинам. Это герой, а герои не часто встречаются на улицах Парижа.

Поэтому он поспешил за профессорами к зданию, увенчанному куполом, вокруг которого кишела

толпа, окружившая какого-то человека. Все кричали, шумели, слышались возгласы:

— Браво!

Лалует знал, что здание с куполом — Академия, но за справкой о человеке обратился к одному из толпы.

— Да неужели вы не знаете!.. Это моряк, капитан Максим д'Ольнай.

— Он собирается драться на дуэли?

— А, ну вас!.. Он будет сегодня читать доклад для вступления в Академию,— не на шутку рассердился его собеседник.

Толпа разделила их. Все стремились прорваться за д'Ольнаем в здание Академии. Внутри все перепуталось: более расторопные заняли лучшие места, а профессора ютились в уголках. Лалует был увлечен толпой и беспрекословно заплатил комиссионеру двадцать франков за место, потому что он уважал науку и Академию и даже сам написал две книжки, за что получил звание корреспондента Академии, хотя никогда не бывал в ней.

Таким-то образом он очутился в ложе, где все стояли, смотря в зал.

Вошел бледный д'Ольнай, в сопровождении еще более бледных родных.

Громкие аплодисменты встретили его, когда он занял свое будущее место в кресле академика.

Лалуст смотрел и слушал разговор:

— Этот бедняга Жеган Мортимер был еще моложе его.

— Он был так рад избранию.

— Он весь сиял, начиная свой вступительный доклад.

— Я думаю, что смерть его была не естественной.

— Да кто же в этом сомневается?..

Лалует не выдержал и, обернувшись, просил разъяснить, о какой смерти идет речь.

— Вы не читаете газет, мсье...— негодующе ответили ему, и он принужден был прекратить беседу... О, он имел серьезные основания не читать газет...

В одну из лож вошла дама.

— Прекрасная мадам Битини,— пронесся шопот.

— Она принесет ему несчастье,— крикнул кто-то.

Дама держалась надменно и, обращаясь к своим спутникам, презрительно кивнула на толпу.

Из дальнейших разговоров Лалует так и не понял, почему эта дама наделена столь роковыми качествами, но зато узнал, что д'Ольнай написал замечательную книгу „Путешествие вокруг моей каюты", за что и признан был достойным занять кресло, освободившееся после смерти академика д'Аббевиля.

Он чувствовал, что попал в центр какой-то тайны.

Вдруг он услышал рев публики:

— Не открывайте!.. К а к и т о м у!.. Не читайте, не читайте!..

Он высунулся из ложи. Курьер подавал письмо д'Ольнаю. Вся публика встала с мест и кричала...

Академики были бледны, а пожизненный секретарь Академии стал прямо лимонного цвета.

Но Максим д'Ольнай с бесстрашной улыбкой принял письмо, распечатал его, прочел и засмеялся...

— Тот тоже смеялся...— пронеслось по залу.

Д'Ольнай передал письмо своим друзьям, те прочли, но... не смеялись. А через минуту содержание письма стало известно всему залу.

„Самые опасные путешествия — вокруг своей каюты"— гласило письмо.

Раздался звонок председателя, и все стихло. Д'Ольнай начал читать свой доклад.

По мере того, как он говорил, послышались вздохи облегчения. Все начали успокаиваться.

Д'Ольнай говорил уже целый час, и вдруг, внезапно, голос его сорвался, он пошатнулся, протянул руку, точно стараясь что-то отогнать от лица, и тяжело рухнул на пол.

Страшный крик огласил зал. Д'Ольная окружили Он был мертв.

. . . . . .

Да, он умер так же, как Жеган Мортимер, поэт, автор книги „Трагические запахи", избранный на место умершего Аббевиля. Он, читая свой доклад, тоже получил письмо:

„Вы еще не знаете, насколько трагичны иные запахи".

Все это услышал, наконец, Гаспар Лалует, когда толпа бросилась вон из зала. И еще слышал он:

— Почему он умер? Неужели от сердечного удара?

— Нет. Потому, что он решился занять заколдованное кресло.

В Париже, в XX веке, разыгрывалась какая-то мистерия...

ГЛАВА II

Заседание в зале Энциклопедии.

На другой день пожизненный секретарь Академии Ипполит Патар в час дня входил под купол своего священного заведения. Швейцар передал ему объемистый пакет почты, который Патар почти вырвал у него, из чего швейцар заключил, что секретарь сегодня расстроен.

— Вы изволили читать сегодня в „Эпохе“ статью „Заколдованное кресло“? — спросил словоохотливый швейцар.

Патар был странным человеком: находясь в хорошем настроении, он был милейшим розовым человечком, но, будучи рассержен, становился злым, желтым, придирчивым старикашкой. Повидимому, сегодня он был желтым, потому что живо обернулся к швейцару и закричал:

— Не вмешивайтесь не в свое дело!..

Патар не всегда читал газеты, особенно теперь, когда в них стали непочтительно отзываться об Академии. Он был немножко мистик и усиленно отгонял мысль о роковых совпадениях и внезапной

смерти двух претендентов на кресло д'Аббевиля. Но все же эти мысли его иногда посещали, и тогда он сильнее сжимал ручку своего зонтика... не из воинственных побуждений, о, нет... Патар верил, что дерево предохраняет от сглаза и дурных наваждений.

Так и теперь, крепко сжимая ручку зонтика, он думал:

Самое скверное то, что эти письма были подписаны Эдсэдтдлн, что составляет инициалы преступного имени: Элифас-де-Сент-Эльм-де-Телле-берг-де-ля-Нокс. И с таким именем претендовать на кресло в Академии!.. Несчастный шарлатан, считающий себя магом, написавший книгу „Хирургия души"... Колдун, алхимик, астролог, некромант... Это ничтожество хотело скомпрометировать своим присутствием великую Академию!..

Патар положительно задыхался от ярости.

Но все же, после того, как шарлатана отчитали как следует, двое претендентов на кресло Аббевиля умерли, и так трагически...

Он со злостью развернул газету, сверху которой был жирно напечатан неприятный заголовок:

„Заколдованное кресло".

Однако. . Целые легенды уже сложились по поводу кресла Аббевиля... Кресло заколдовано Элифасом... То, что он исчез после поражения, давало обильный материал газетчикам: Элифас решил мстить... Они

вспоминали, что, выходя как-то из клуба „Пневматистов“ (от пневма — душа), основанного им в салоне м-м Битини, Элифас произнес:

— Горе тому, кто захочет сесть в это кресло раньше меня.

И газета настаивала на розысках преступного Элифаса.

Назвав анонимного автора идиотом, Патар прошел в зал Энциклопедии. Зал был еще пуст. Патар сел на свое обычное место, положил корреспонденцию и поставил рядом свой неразлучный зонтик, без которого он никогда и никуда не ходил.

Но работа не клеилась. Патар встал и начал ходить по большому залу, раскланялся с портретом Ришелье и остановился против одного кресла, которое задумчиво стал рассматривать. Это было кресло Аббевиля, свободное со дня его смерти.

Невольно на ум ему пришли слова Элифаса, и он, вздрогнув, схватился за зонтик.

Потом он вдруг направился к креслу.

— Я хочу сесть в него,— воскликнул он.— Я, Ипполит Патар, посрамлю Элифаса и сяду в это „заколдованное“ кресло.

И, повернувшись, уже приготовился сесть, но застыл на полдороге в смешной согбенной позе:

— Не сяду... Это слишком глупо... Слишком глупо...

И торжественно направился обратно, крепко сжимая ручку своего талисмана, охранителя от бед...

Вскоре пришел казначей и привел с собою директора. Директором этого семестра был знаменитый ученый Лустало. Он был невероятно рассеян, и его приходилось буквально водить под руку. Жил он за городом и довольно редко посещал Академию, куда его приводил мальчик и сдавал на попечение швейцару, тот — казначею или еще кому-нибудь. Так, переходя из рук в руки, великий Лустало добирался до заседания. Он не слышал никогда, что вокруг происходило: его пытливый ум был всегда занят научными проблемами, и его не беспокоили делами. Но на сей раз дело было слишком серьезно. Патар должен был переговорить с Лустало, не присутствовавшим на вчерашнем заседании.

— Ах, господин директор, какое несчастье! — вскричал он.

— Что такое, дорогой мой? — любезно осведомился Лустало.

— Неужели вы не знаете? Максим д'Ольнай умер...

— Мир его праху!

— Но он умер в Академии, во время доклада, как и Мортимер...

— Тем лучше, тем лучше... Смерть на почетном посту... — и он потер руки.

А через минуту он уже уставился куда-то в пространство, обдумывая свои новые изобретения. Его усадили, дали ему бумаги, чернильницу и перо и отошли, говоря:

— Теперь он будет сидеть спокойно.

А сами принялись обсуждать событие вчерашнего дня. Казначей выразил предположение, что следующий очередной кандидат в Академию, Мартин Латуш, мог испугаться и отказаться от чести претендовать на кресло Аббевиля, заколдованное Элифасом.

Патар вскрыл ряд писем. От Мартина Латуша письма не было. Секретарь облегченно вздохнул.

— Подумайте, какой позор для Академии иметь только тридцать девять членов, а не священное, традиционное число сорок,— сказал казначей.— Если бы Латуш отказался...

— Тогда я умер бы с горя,— просто произнес Патар.

Им пришлось прервать разговор, так как великий Лустало вымазал нос чернилами, и пришлось пустить в дело носовой платок казначея.

Начали собираться другие академики. Вдруг ворвался Барбантон, автор „Истории дома Кондэ“, известный болтун и сплетник.

— Вы знаете, как его зовут? — закричал он.

— Кого?

— Его, вашего Элифаса? — Бориго!

— Почему это вас волнует?

— Помилуйте, все журналисты говорят об этом!

— Какие журналисты?

— Да вся толпа, собравшаяся во дворе Академии... Они толкуют, что мы собрались для новых выборов, и настаивают на их запрещении...

— Что-о? — вне себя закричал Патар... — Запретить выборы в Академию?!..

— Мы должны выбрать Мартина Латуша, иначе позор великой Академии...

Вошел де-Брай, родственник д'Ольная.

— Вы знаете, — сказал он, — кто такой Элифас? Настоящее имя его Бориго, он родился в Провансе, в долине Кореи и занимался торговлей прованским маслом.

Вошел Раймонд Бессиер, египтолог, написавший целые томы о своих возлюбленных пирамидах.

— Я его знал, когда он звался Жаном Бориго из Кореи, — просто сказал он.

Холодное молчание было ему ответом. Это был единственный академик, голосовавший за Элифаса, друг м-м Битини, мистик, над которым всякий считал обязанным поиздеваться.

— Скажите, дорогой коллега, — сладко сказал Патар, — а чем тогда торговал ваш Жан Бориго? Маслом, кожами, или еще чем-нибудь?

Послышался смех. Не потому, чтобы замечание Патара было остроумно, а просто, чтобы позлить Бессиера.

— Нет, — ответил тот спокойно. — В то время он был в Египте и расшифровывал таинственные письмена пирамид пятой и шестой династии, в поисках секрета Тота.

И он направился к своему месту, случайно занятому одним из товарищей. Патар ехидно предложил:

— Пока ваше кресло занято, не присядете ли на кресло Аббевиля?

— Нет, не сяду.

— Но неужели вы, умный, образованный человек, академик, верите сплетням и нелепой газетной болтовне?

— Нет, но я верю в роковые совпадения.

Все переглянулись.

Началось заседание, но всем было вовсе не до науки. Странные слова Бессиера заинтриговали всех, и, наконец, у него попросили объяснений.

— Элифас, — сказал Бессиер, — много работал по египтологии, но в несколько специальной области: он расшифровывал письмена, чтобы найти секрет Тота Поэтому я считал и считаю его крупным специалистом в египтологии и голосовал за него.

— А что такое секрет Тота? — спросил кто-то.

— Тот был родоначальником египетской магии, владевшим секретами жизни и смерти. Человек, обладающий секретом Тота, сильнее всех людей. Я не хотел бы иметь его врагом.

Патар ехидно заметил:

— Уж не Тот ли выучил его появляться в гостиной м-м Битини в нелепом светящемся платьи?

— У каждого человека есть свои слабости, — выразительно сказал Бессиер, как-то странно улыбнувшись секретарю.

— Что вы хотите этим сказать? — заволновался Патар.

— Мне странно, что такой суеверный фетишист, как вы, позволяет себе называть шарлатаном такого серьезного ученого, как Жан Бориго.

— Я... фетишист?— завыл Патар, с яростью наступая на коллегу.— Как вы смеете... Откуда вы взяли?

— А почему вы так крепко держитесь за ручку своего зонтика, когда при вас упоминают о смерти?

— Вы видели как я...

— Раз двадцать в день...

— Вы лжете! Я... я...

— И даже в особенно патетические минуты почтительно прикладываетесь к ней губами...

— Вы... вы... я запрещаю вам говорить о моем зонтике... я... вас...

— Ну, а если я лгу и вы не суеверны, сядьте в кресло Аббевиля...

Все застыли. Спектакль становился интересным.

— И сяду, коли захочу. Но я не хочу и не обязан исполнять ваши приказания... Так и знайте...

Все улыбнулись. Патар сконфуженно отошел и пробормотал:

— Правила не запрещают любому из нас занять это кресло.

Но кто-то выручил:

— Не будем делать этого из уважения к памяти г. Аббевиля,— что все с восторгом приветствовали.

Заседание началось. Утвердили кандидатуру Мартина Латуша и поручили Ипполиту Патару объявить ему об этом.

— Что же вы ему скажете?— спросил казначей.

Пожизненный секретарь, у которого дрожала челюсть и дергалась нога от волнения, пролепетал:

— Я ему скажу... скажу: „Бедный друг, мужайтесь“.

ГЛАВА III

Ящик, который ходит.

После обеда Ипполит Патар никогда не выходил на улицу. Он даже не предполагал, что есть люди, которые могут любить ночные прогулки. Из газет он знал, что это очень опасное времяпрепровождение. Когда он думал о ночном Париже, то он ему представлялся темным и таинственным, как во времена Людовика XV, полным бандитов и прочих ужасов.

Господин пожизненный секретарь жил в отвратительном месте, на перекрестке Бюси. И ничто и никогда не заставило бы его уехать отсюда.

И все же, несмотря на это, господин Ипполит Патар отправился к тихой площади Дофина.

Он шел широкими улицами и переходил пустынные мосты.

Ах, как было страшно, как было страшно!..

Но журналистов он все же боялся больше воров. Он дрожал от мысли, что какой-нибудь репортер встретит его во время ночной прогулки, когда он шел к новому академику Мартину Латушу, напишет о ночных путешествиях уважаемых „академиков“ и... Это будет ужасно, но идти необходимо, и если

выбирать из двух зол меньшее, то прогулка ночью все же безопаснее, чем днем.

Кроме того, Ипполиту Патару было удобнее самому объявить о чести избрания Мартину Латушу.

Если Мартин Латуш и посмеет отказаться от этой чести... то все же вечером это будет удобнее, чем при свете дня.

Вечерние газеты уже утверждали, что он обязательно откажется.

Если это действительно так, то положение Французской Академии будет ужасно и смешно.

Ипполит Патар не колебался, прочитав за обедом эту ужасную новость. Он надел пальто и шляпу, взял свой зонтик и спустился на улицу...

На улице было все черно.

И теперь он дрожал на площади Дофина перед дверью дома, где жил Мартин Латуш.

Он постучал несколько раз, но дверь не отворяли.

И вдруг господин пожизненный секретарь увидел под фонарем необъяснимую, удивительную тень.

Нет сомнений, он видел ящик, к о т о р ы й х о д и л.

Это был четырехугольный ящик, у которого были маленькие ножки и который бесшумно исчез в темноте.

А над ящиком он н и ч е г о н е в и д е л, ничего, совершенно ничего.

Ящик, который ходит!.. Ночь!.. Площадь Дофина... Бр-р!

Господин пожизненный секретарь с бешенством постучал еще раз. Только тогда он осмелился еще

раз взглянуть на фонарь. Маленькое скрытое окошечко открылось в темной двери, сноп света ударил в испуганное лицо Патара.

— Это вы? Что вам нужно?— спросил суровый голос.

— Это я, Ипполит Патар.

— Патар?

— Пожизненный секретарь... Академии...

При слове „Академия“ окошечко с грохотом затворилось, и он остался снова один на пустынной темной площади.

Потом вдруг он заметил справа от себя проходящую тень ящика на ногах.

Холодный пот полился по худым щекам пожизненного секретаря.

Он оглянулся на дверь и снова дико посмотрел направо, но ящик уже исчез.

Как ужасна ночью эта старая площадь со своими древними избитыми тротуарами, со своими мертвыми фасадами, в которых, как большие зияющие дыры, чернеют огромные четырехугольные окна! Пожизненный секретарь посмотрел на крыши, над которыми скользили темные тяжелые тучи, вдруг разорвавшиеся у луны. Снова показалась тень ящика на маленьких нелепых ногах. Она бежала изо всех сил в сторону „Моста Часов“.

Это было дьявольское навождение. Бедный человек безнадежно впивался обеими руками в ручку своего зонтика.

Вдруг он подпрыгнул.

Что-то хлопнуло за ним...

Раздался злой голос:

— Это опять он! Опять он! Я ему покажу!

Господин Ипполит Патар уцепился за угол дома и от ужаса замер. Даже закричать он не мог...

Что-то вроде палки или ручки метлы опустилось над его головой.

Он закрыл глаза, готовый к смерти за Академию.

Открыв их, он удивился, что все еще жив.

Какая-то особа, шурша юбками, быстро пробежала мимо него, яростно тряся метлой, и тишина площади Дофина нарушалась громким шлепаньем галош по тротуару.

Метла, крики, шум—все было позади. Он вздохнул.

Но откуда появилось это новое видение?

Господин Патар оглянулся.

Дверь сзади него была приоткрыта.

Он ее толкнул и вошел в коридор, который вел в холодный двор.

Он был у Мартина Латуша, теперь он начал понимать.

Он знал, что Мартин Латуш был старый холостяк, не любил ничего, кроме музыки, жил со старой экономкой, которая ее не выносила.

Эта экономка была тираном Латуша, и ему, бедному, тяжело приходилось. Но она была ему предана, как собака, и когда он был послушен, она с ним няньчилась, как с ребенком. Великий Жан-Жак

тоже знал невзгоды такого рода, но это не помешало ему написать „Новую Элоизу“. Несмотря на то, что Бабетта ненавидела мелодию и духовые инструменты, он написал пять толстых томов „Истории музыки“, которая была одобрена Академией.

Ипполит Патар остановился у входа во двор, ожидая эту ужасную Бабетту, не смея крикнуть, боясь разбудить кого-нибудь и не рискуя идти во двор и сломать себе шею. Наконец, терпение Ипполита Патара было вознаграждено. Снова зашлепали галоши, и входная дверь с грохотом захлопнулась. Какая-то черная форма (именно форма, а не силуэт) споткнулась о молчаливого визитера.

— Кто тут?

— Это я, Ипполит Патар... Академии... пожизненный секретарь...— произнес дрожащий голосок.

— Что вы хотите?

— Господина Мартина Латуша...

— Его нет дома... Но войдите все-таки, я хочу вам кое-что сказать...

И она втолкнула его в небольшую комнату.

Бедный пожизненный секретарь увидел при свете маленькой лампы грубый белый деревянный стол и все атрибуты кухонного заведения.

Дверь щелкнула за ним. Он увидел перед собой огромный живот, покрытый клетчатым фартуком, и две огромные ручищи. Одна из них все еще держала метлу.

Сверху, из тени, послышался хриплый голос:

— Вы хотите его убить?

И это было сказано с таким выражением и особенным ударением, что бедный пожизненный секретарь задрожал и ничего не ответил.

Голос продолжал:

— Скажите, господин пожизненный, вы хотите его убить?

„Господин пожизненный“ энергично закачал головой.

— Нет,— осмелился он сказать.— Нет, сударыня, я не хочу его убить, но я очень хочу его видеть.

— Хорошо, потом вы его увидите, господин пожизненный, потому что у вас честная голова и она мне нравится. Вы его увидите, потому что он дома... Но сначала мне нужно с вами поговорить... Вы должны меня простить за то, что я ввела вас в свою кухню...

И ужасная Бабетта знаком указала Патару на стул у окна.

Потом она поставила лампочку за камин так, что окно, у которого они сидели, тонуло в тени. Они еле-еле видели друг друга.

Потом она приоткрыла железный ставень и заглянула на улицу в сторону фонаря. Лицо ее просияло.

Теперь она ему показалась славной и совсем не страшной.

— Господин пожизненный, — сказала Бабетта, садясь против академика,— не удивляйтесь и не

бойтесь меня. Я делаю все это не для того, чтобы запугать вас, нет... Я подстерегаю старикашку... Но дело не в этом, о другом хочу я вас спросить: вы его хотите убить?

Говоря это, Бабетта взяла руки Патара, и тот был тронут ее тоном.

— Послушайте, — продолжала Бабетта, — послушайте, господин пожизненный, скажите мне, как на исповеди, верите ли вы, что все эти смерти естественны? Ответьте же мне, господин пожизненный.

При этом вопросе, к которому он совершенно не был приготовлен, „пожизненный" задрожал.

Но через минуту он ответил окрепшим голосом:

— По совести сказать, да... я верю, что все они умерли своей смертью...

Оба замолчали.

— Господин пожизненный, вы может быть мало подумали?..

— Доктора подтвердили это, сударыня...

— Доктора часто ошибаются, сударь. Подумайте об этом, господин пожизненный. Слушайте. Я скажу вам одну вещь... Никогда не умирают так сразу, вдруг, на одном и том же месте, двое, сказав то же самое, второй через несколько недель после первого. Нет, я считаю, что все это было очень хорошо подготовлено!

Действительно, эта толстуха Бабетта прекрасно обрисовала общее положение вещей.

— Что же вы думаете об этом?

— Я думаю, что ваш Элифас-де-ля-Нокс скверный колдун. Он им мстил и отравлял.

— Яд был, может быть, в письме?

— Вы мне не верите? По вашему, этого не могло быть?.. Но возможно еще другое! Я вам предложу вопрос: если Мартин Латуш умрет так же, это будет тоже е с т е с т в е н н о?

— Нет, я этого не думаю,— не колеблясь, ответил Ипполит Патар.

— Ну, так я хочу, чтобы он не умер.

— Но он не умрет, сударыня.

— То же самое говорили господину д'Ольнай, но он ведь умер?

— Но это не значит, что господин Латуш...

— Возможно! Во всяком случае, я ему запретила представляться в Академию...

— Но он избран!

— Нет, так как он не представлялся! Я сама отвечала всем журналистам. Это решено!

— Но у нас есть письма от него!

— Это не считается. Он написал вам под мою диктовку последнее письмо после смерти д'Ольная. Вы должны были получить его сегодня утром. Он отказался в нем от чести быть избранным в академики.

— Я вам клянусь, сударыня, что не получал никакого письма от Мартина Латуша,— ответил Ипполит Патар.

Бабетта подумала минуту.

— Я вам верю, господин пожизненный.

— Наша почта не всегда исправна,— снова начал Патар.

— Нет,— со вздохом ответила Бабетта.— Нет, господин пожизненный! Это не то. Вы не получили письма потому, что он не опустил его в почтовый ящик.

И она снова вздохнула.

— Ему так хочется быть в вашей Академии, господин пожизненный!

И Бабетта заплакала.

— О, это принесет ему горе!..

Вся в слезах, она продолжала бормотать:

— У меня есть предчувствия и приметы, которые меня не обманывают... Не правда ли, господин пожизненный, ведь это будет неестественно, если он умрет, как другие?.. Так не делайте этого!.. Не убивайте его!

— Это... это невозможно! — со слезами в голосе воскликнул Патар.—Ведь поймите, должен же кто-нибудь занять место д'Аббевиля!

— Мне это совершенно безразлично,— ответила Бабетта,— но он, он только об этом и думает. Он ведь такой добрый, у него золотое сердце. Мне так жаль его.

— Но предчувствия...

Вдруг Бабетта перестала плакать.

— Шш...

И Бабетта стала свирепо вглядываться в противоположный тротуар.

Пожизненный секретарь повернулся к окну и увидел под фонарем ходящий ящик. Но теперь у ящика кроме маленьких ног была еще голова, обыкновенная волосатая голова с бородой. Голова еле-еле выглядывала из ящика.

— Шарманщик... — пробормотал Патар.

— Старикашка!.. — поправила, вздыхая, Бабетта; для нее все шарманщики и музыканты были старикашки...— Вывернулся! Ну, ладно. Не шумите.

Они оба прильнули к окну и смотрели на шарманщика.

Тот остановился и тоже смотрел в сторону Патара и Бабетты.

Он был до того волосат и растрепан, что невозможно было различить черты его лица, но глаза были быстрые и живые. Ипполит Патар подумал:

„А ведь я видел где-то эти глаза“. У него стало как-то неспокойно на душе. Вот сейчас, в этот поздний час, сидя в кухне с кухаркой Латуша, которая переворачивала ему сердце своими слезами, он впервые стал сомневаться в естественности этих двух смертей. А если они неестественны и если и этот человек погибнет, как и те?..

Какие угрызения совести, какая ответственность!

И сердце Патара билось так же беспокойно и неровно, как и сердце старой Бабетты...

Что может делать этот лохматый шарманщик так поздно перед домом Мартина Латуша?

Почему он ходит около этого дома, то исчезая, то снова появляясь, несмотря на то, что его гонят?

Почему он вернулся опять под фонарь, этот человек с невозможной шевелюрой и быстро бегающими неприятными глазами?

— Посмотрим, что он хочет делать.

Но он ничего не делал, он только смотрел.

— Подождите,— зашептала Бабетта. И с тысячью предосторожностей она направилась к кухонной двери. Она хотела снова начать охоту. Она была очень храбра, несмотря на свой страх.

Господин секретарь перевел глаза с окна на Бабетту. Когда же он снова посмотрел в окно — шарманщик исчез.

— Его уж нет,— вскричал он. Бабетта подошла к окну.

Она тоже выглянула на улицу.

— Никого!.. — взвыла толстуха.— Когда же я буду держать его за бороду! Старый чорт!

— Что ему надо? — спросил Патар.

— Это нужно у него спросить. Но интересно то, что он не осмеливается подходить ближе ночью. И изворотлив же он! Никак не могу поймать как ни стараюсь это сделать. Он неуловим, как тень. И потом, я ведь из Родэ!. Мы верим, что эти старикашки приносят несчастье.

— Почему?--спросил Патар, нервно поглаживая деревянную ручку своего зонтика.

Бабетта наклонила голову набок и таинственно прошептала:

— А Банкаль-то!..

— Какой Банкаль?

— Да ведь Банкаль велел придти этим шарманщикам, чтобы они играли на улице и заглушали крики убиваемого господина Фуальдеса. Это все, все знают, господин пожизненный.

— Да, да, я слышал, это было громкое дело, дело Фуальдеса. Но я не вижу...

— Вы не видите?.. Но вы слышите? Слышите ли вы?

И Бабетта прильнула ухом к оконному стеклу, как будто прислушиваясь к чему-то.

Наконец, Патар вышел из себя и, вскочив со стула, вскричал:

— Ну, что же, проводите вы меня к Мартину Латушу или нет?

Но Бабетта упала на стул.

— Я сошла с ума. Я поверила... Нет, подобные вещи невозможны. Вы ничего не слышали, господин пожизненный?

— Нет, ничего...

— Нет, я схожу с ума из-за этого шарманщика, который не отходит от нашего дома.

— Как, он разве все время здесь?

— Ах, боже мой, даже днем, и то он изводит меня. Я гоню его то со двора, то с лестницы. А ночью он бродит под окнами...

— Да, да, это действительно неестественно и странно,— сказал Патар.

— Вот видите! Разве я вам не говорила того же?

— И давно уже он бродит здесь?

— Около трех месяцев!..

— Все время не переставая?

— Нет, иногда он не показывался неделями... Подождите, впервые я его увидела...

И Бабетта остановилась.

— Когда?— спросил Патар, заинтересованный ее рассказом.

Старая служанка пробормотала:

— Есть две вещи, которых я не должна вам говорить... Но все-таки, господин пожизненный, старикашка появился тогда, когда господин Латуш решил представиться Академии... Я ему тогда же сказала: это плохой знак! И это было в то время, когда те умерли. И когда у вас свободно кресло д'Аббевиля — он всегда особенно пристает к нам... Нет, нет, все это очень странно... Но я не могу вам ничего сказать.

И она энергично закачала головой.

Патар был сильно заинтригован.

Он снова сел.

Бабетта продолжала, как бы сама с собой:

— Иногда я сама себя уговариваю... Я говорю себе, что это просто совпадение. В Родэ страшно боялись шарманщиков. Когда они проходили, то взрослые открещивались, а дети кидали в них камнями, и они исчезали.

Она добавила задумчиво:

— Но этот, этот всегда возвращается.

— И то, что вы не можете мне сказать, это тоже касается шарманщиков?— спросил Патар.

— Ах, сейчас для меня не существует ничего другого.

Она горестно закачала головой.

Было видно, что ей очень хотелось сказать Патару, но что-то сдерживало ее, и она боролась сама с собой.

Тогда Патар решился на большой удар.

— Знаете, сударыня, мне тоже кажется, что эти смерти не вполне естественны, но у нас нет доказательств. Сударыня, если вы знаете что-нибудь, то ваша нравственная обязанность сообщить нам. В случае, если что-нибудь произойдет, вся ответственность падет на вас.

Бабетта сложила руки, как для молитвы.

— Я поклялась именем бога...— прошептала она.

Патар снова поднялся.

— Проводите меня к вашему хозяину...

Бабетта подпрыгнула.

— Так, значит, все кончено? — всхлипнула она.

— Что именно? — суровым голосом спросил пожизненный секретарь.

— Я вас спрашиваю: значит, все кончено? Вы его выбрали в вашу Академию... и он... и он сядет в кресло господина д'Аббевиля?

— Ну, конечно, сударыня.

— И он будет говорить в большой зале перед публикой?

— Конечно!

— Как т е д в о е?

— Конечно, как те двое,— этого требует устав.

Но голос пожизненного секретаря уже не звучал так сурово...

Он даже дрожал немного...

— Так, значит, вы преступники, — убежденно сказала Бабетта. Потом, перекрестившись, она продолжала:

— ...Но я не допущу убийства господина Латуша, я спасу его, несмотря на него, несмотря на свою клятву... Господин пожизненный, садитесь. Я вам все расскажу.

Она встала на колени.

— Я клялась богом, и я нарушаю свою клятву. Но бог, читающий все, что написано в сердцах наших, простит меня. Вот все, как было.

Патар слушал Бабетту, поглядывая на улицу. Шарманщик снова пришел и смотрел куда-то над головой Патара, на второй этаж домика. Патар задрожал. Но все-таки он сдержался и не показал вида Бабетте, чтобы та не поняла, что происходит на улице... Он ее не перебивал во время ее рассказа.

Стоя на коленях, она не могла ничего увидеть. Она говорила с болью в душе и в голосе, вздыхая, с таким выражением, как на исповеди... Она так хотела избавиться от того, что лежало у нее на совести.

„Это было через два дня после того, как выбрали господина Мортимера. Было послеобеденное время. Я обыкновенно ухожу после обеда, но в тот день мне что-то помешало, и я осталась в своей кухне. Господин Латуш не знал, что я дома. В это время пришел на лестницу к хозяину какой-то господин, прошел в комнаты и заперся с ним. Я никогда не видала его раньше. Через пять минут пришел другой господин, которого я тоже не знала, и он так же, как и первый, торопливо поднялся по лестнице, как будто боялся, что его увидят... и я услыхала, как хлопнула дверь библиотеки, которую открыли перед этим, и теперь они все были в библиотеке: господин Латуш и двое незнакомцев... Два часа были они там... Библиотека находится как раз над кухней... Больше всего меня удивляло, что они даже не ходили... Было тихо-тихо... Это меня очень заинтересовало, а я страшно любопытна. Господин Латуш ничего не говорил мне о приходе этих господ... Я поднялась наверх и приложила ухо к замочной скважине библиотечной двери. Ничего не было слышно... Я постучалась, мне не ответили... Я открыла дверь... Там никого не было... Из библиотеки есть только одна дверь в маленький кабинет,

куда я никогда, никогда не ходила. Он никого там не принимал и сам бывал, когда писал и был очень занят. Это его мания, он там недосягаем, как в могиле. Во многом он мне уступал, но в этом он был непреклонен. Каково же было мое удивление, когда я услыхала, что они там. У него был свой отдельный ключ от кабинета, и я никогда не могла войти туда. Там он сам убирает и чистит.

Он мне говорит: „Этот угол только мой, Бабетта, а остальное в доме твое, там ты можешь чистить и вытирать сколько тебе заблагорассудится". И вот он там с двумя людьми, которых я никогда не видала...

Тогда я стала слушать... Я старалась понять по движениям, что там происходит и что говорят. Но они разговаривали очень тихо, и я не могла расслышать... Потом я поняла, что они говорили по очереди и о чем-то совещались... Но вдруг мой хозяин повысил голос и ясно сказал:

„Разве это возможно? Еще никогда не было в мире большего преступления".

Это я хорошо слышала... Вот все, что я слыхала. Я еще не пришла в себя от услышанного, как вдруг дверь отворилась: двое незнакомцев бросились на меня. „Оставьте ее, не делайте ей больно!—закричал хозяин, закрывая на ключ дверь своего кабинета.—Я отвечаю за нее!".

Он подошел ко мне и сказал:

„Бабетта, мы тебя не будем спрашивать, слышала ты что-нибудь, или нет. Но ты должна встать на

колени и поклясться, что ты никогда никому ничего не скажешь, что ты слыхала. Как будто тебя не было и как будто ты не видела этих двух господ. Поклянись в этом, Бабетта". Я посмотрела на хозяина. Я никогда не видела его таким. Его лицо, всегда такое доброе и кроткое, теперь дрожало от гнева. Двое незнакомцев с угрозой наклонились ко мне.

Я упала на колени и поклялась им, в чем они хотели... Тогда они ушли... Один после другого, осторожно оглядываясь назад. Полумертвая от страха, спустилась я в кухню и тогда заметила в первый раз старикашку. Он стоял под фонарем. Я перекрестилась. Несчастье висело над головой".

Пожизненный секретарь внимательно слушал Бабетту, наблюдая каждое движение шарманщика. Он делал над ящиком какие-то таинственные знаки. Потом он вдруг исчез...

Бабетта поднялась.

— Я кончила, — сказала она. — Несчастье висит над нами.

— А эти господа, — спросил Патар, — вы их видели после?

Его еще больше заинтересовала вся эта история, и рассказ экономки еще сильнее завязал интригу.

— Одного я никогда не видала, потому что он умер. Я видела его фотографию в журналах, это был господин Мортимер.

— Мортимер... А другой, другой?..

— Другой? Я тоже видела его фотографию в газетах; это был господин д'Ольнай!..

— Д'Ольнай! А вы его видели еще раз?

— Да, этого я видела... Он приходил сюда накануне своей смерти, господин пожизненный.

— Накануне своей смерти, третьего дня?

— Третьего дня! Ах, я вам еще не все сказала. Тогда же я нашла старикашку на дворе и выгнала, как всегда... Я тут же подумала: ах, какой это плохой знак!.. Господин пожизненный, моя старая тетка всегда говорила: „Бабетта, бойся шарманщиков". А моя тетка была умная женщина. Она жила как раз напротив дома Банкаль, и в ту ночь, когда убивали господина Фуальдеса, она слышала мотив смерти, который „вертели" шарманщики в то время, когда Банкаль, Бастид и другие перерезали на столе горло несчастной жертвы. Этот мотив она запомнила навсегда. И бедная тетка раз спела мне этот мотив.

Вдруг Бабетта побледнела, как смерть, и, показывая на фонарь, прошептала:

— Вот, этот мотив, этот самый, о, боже мой!

А с улицы неслась безнадежная, меланхоличная, медленная ритурнель...

ГЛАВА IV

Мартин Латуш.

И вдруг в комнате над кухней послышался страшный шум передвигаемой и опрокидываемой мебели,

как будто там шла борьба не на жизнь, а на смерть.

— Убивают!.. На помощь!.. — закричала Бабетта и, схватив подвернувшуюся под руку кочергу, бросилась к двери, ведущей наверх.

— О, боже мой!..—прошептал бледный от волнения Ипполит Патар.

Он сидел, как окаменелый, с часто бьющимся сердцем и всклокоченными от ужаса волосами.

А на улице расстилалась льстивыми звуками тихая, грустная, ужасная, проклятая ритурнель. И бедному секретарю казалось, что шарманщик ускорил ритм и что сейчас, под эту музыку, там где-то умирает человек.

Патар чувствовал, что он теряет сознание. Но внезапно поднявшийся стыд за свою трусость и малодушие вдруг пересилил страх перед ужасами ночи. Патар вспомнил, что он пожизненный секретарь Академии, и, взяв дрожащей рукой каминные щипцы, поднялся.

— Ты всегда излишне впадаешь в панику, милая Бабетта, — раздался за спиной Патара мягкий, но сильный голос. И человек лет шестидесяти, крепкий старик с чудесной белой бородой, обрамлявшей добродушное старческое розовое лицо, появился на пороге кухни, держа в руке лампу.

Это был Мартин Латуш.

Разглядев через очки Ипполита Патара, он не мог сдержать улыбки.

— Вы, господин пожизненный секретарь... Что у вас происходит?— спросил он, вежливо поклонившись Патару.

— Ах, сударь, это мы должны вас спросить!— закричала, всплеснув руками, Бабетта — Да разве можно так шуметь!.. Мы ведь думали, что вас по меньшей мере убивают... И потом... этот проклятый старикашка наигрывает тот самый мотив, под который убивали Фуальдеса.

— Действительно, шарманщику давно уже пора спать,—ответил спокойно Мартин Латуш,— да и тебе пора на покой, дорогая Бабетта.

И обращаясь к пожизненному секретарю, он спросил:

— Господин секретарь, чему я обязан высокой честью видеть вас у меня на кухне в столь поздний час?

С этими словами он провел Патара наверх в свою библиотеку. Бабетта шла за ними. Она осмотрела все. Все было в порядке. Вся мебель стояла на обычных местах.

— Но ведь, в конце концов, ни я, ни господин пожизненный секретарь не спали и не галлюцинировали... Мы оба ясно слышали здесь ужасный шум, точно от борьбы.

— Убедись сама, Бабетта! Правда, я нечаянно уронил большое кресло в кабинете, и оно, падая задело шахматный столик, который тоже упал... Ну, а теперь пожелай нам спокойной ночи.

Бабетта с недоверием поглядела на дверь маленького кабинета, дверь, всегда для нее закрытую, и вздохнула.

— Я всегда здесь лишняя...

— Ну, иди, иди, Бабетта.

— Я слыхала, что вы не хотите в Академию...

— Уйдешь ты отсюда, Бабетта?..

— И все-таки думают...

— Бабетта!

— И пишут письма, которые не опускают в ящик...

— Господин пожизненный секретарь, прошу извинить мою навязчивую старую служанку, но...

— Закрывают на два поворота ключа дверь кабинета и, входя, приоткрывают ее лишь настолько, чтобы боком пролезть в нее...

— Я закрываю и открываю, как и когда хочу, чорт возьми!.. Я хозяин здесь или...

— Об этом никто не спорит. Вы всегда считаетесь хозяином, когда делаете глупости...

— Бабетта, довольно!..

— ...и принимают потихоньку подозрительных незнакомцев...

— Что-о?!

— ... незнакомцев из Академии...

— Бабетта, в Академии нет незнакомцев...

— Ну, конечно, раз они уже умерли...

Последние слова Бабетта уже не проговорила, а прохрипела; руки Мартина Латуша впились ей в горло.

— Замолчи!!!

Он сейчас же отпустил ее, стыдясь своей вспышки в присутствии Патара.

— Я приношу мои извинения, — сказал он, стараясь замять неприятное впечатление. — Но эта сумасшедшая Бабетта просто способна вывести из себя. Бывают моменты, когда даже самые спокойные люди... Нет, эта тирания женщин ужасна!.. Садитесь, сударь...

И он, повернув кресло спинкой к Бабетте, указал на него секретарю и сам повернулся к ней спиной, показывая Бабетте, что она может уйти.

— Сударь,— сказала вдруг Бабетта, — я сделала ужасную вещь, и после того, что произошло сейчас, я предполагаю, что вы меня наверно убьете. Но я все рассказала господину пожизненному.

Мартин Латуш резко обернулся. В этот момент голова его оказалась в тени, и Ипполит Патар не мог видеть выражения его лица, но рука Латуша, которой он опирался на стол, заметно задрожала.

— Что вы сказали господину пожизненному секретарю, Бабетта?

Это было первым „вы“ за все пребывание Патара. Казалось, это „вы“ подчеркнуло серьезность момента.

— Я... я сказала, что господа Мортимер и д'Ольнай приходили к вам сюда, что вы запирались с ними в кабинете перед тем, как они так трагично умерли в Академии...

— Вы поклялись молчать, Бабетта...

— Да. Но я должна была сказать, чтоб спасти вас, так как я боюсь, что вы умрете так же, как умерли те двое...

— Хорошо...— упавшим голосом сказал Латуш.— Что же еще вы говорили господину секретарю?

— Я ему сказала, что слышала из-за двери кабинета...

— Но послушай, Бабетта,—закричал ей Латуш,— я же никогда не спрашивал тебя, что ты слышала! Правда?

— Верно, сударь.

— Я тебя не спрашивал. Ты поклялась забыть, и я верил тебе. Но если ты помнишь, повтори мне, что ты говорила господину Патару.

— Хорошо. Я ему сказала, что слышала ваш голос, вы кричали: „нет, нет, это невозможно, не было в мире большего преступления".

Мартин Латуш молчал. Он размышлял. Он снял руку со стола, и его совсем поглотила тень. Патару стало жутко от этой звенящей тишины старого дома.

На улице тоже было тихо. Ушел шарманщик, и все заснуло. Никого. Ничего.

Наконец, Латуш нарушил тишину:

— Ты ничего больше не слыхала и не передавала господину секретарю?

— Ничего, сударь.

— Я тебя не заставляю клясться.

— Все равно, это бесполезно. Если бы я слышала еще что-нибудь, я сказала бы господину пожизненному. Я хочу вас спасти.

И вдруг Мартин Латуш громко и радостно рассмеялся. Он подошел к Бабетте и дружески потрепал ее по щеке:

— Ах, глупая старуха, тебя попросту хотели напугать, а ты и поверила. Но все же ты очень храбрая и хотела спасти меня. За это я тебе очень благодарен и попрежнему люблю тебя. А теперь иди, мне надо поговорить с господином секретарем.

— Спокойной ночи, сударь... Я сделала, что смогла.

Она церемонно поклонилась Патару и осторожно прикрыла дверь библиотеки. Было слышно, как она спускалась с лестницы. Когда ее шаги затихли, Мартин Латуш сказал насмешливо:

— Ах, уж эти старые служанки!.. Она мне чрезвычайно предана, но иногда положительно невыносима. Воображаю, чего она вам только не насказала. Знаете, она немного помешана... Эти две смерти в Академии окончательно вывели ее из душевного равновесия.

— Ей это простительно, — сказал Патар. — В Париже есть люди более образованные, чем бедная Бабетта, и все они только и говорят об этом, приписывая эти две смерти чуть ли не колдовству. Но я очень рад, дорогой профессор, что это неприятное происшествие не отразилось нисколько на вашем настроении...

— О, я не трус и вижу вещи такими, каковы они есть...

— Не будучи боязливым, я все-таки...— забормотал Патар, вспомнив все, что произошло на кухне у Бабетты.

— Господин секретарь, я говорил здесь, в этой комнате, с Максимом д'Ольнай накануне его смерти в Академии (вам уже рассказывала об этом Бабетта). Я говорю вам откровенно, он был очень расстроен смертью Мортимера и угрозами Элифаса... У Максима д'Ольнай была болезнь сердца. Когда он получил письмо от какого-то полуумного шутника, то у него сделался сердечный припадок, несмотря на всю его кажущуюся храбрость.

Ипполит Патар облегченно вздохнул и поднялся.

— Ах, господин Латуш, как хорошо вы говорите, и какое облегчение испытываешь, слушая вас! Я скажу вам правду, что после разговоров с вашей Бабеттой у меня мороз пошел по коже и стало как-то не по себе.

— Да-да,— тихо засмеялся Латуш.— Я как сейчас это вижу... Воспоминания дела Фуальдеса... Мои встречи с г.г. Мортимер и д'Ольнай... их смерть... ужасные фразы, вырвавшиеся у меня в кабинете...

— Совершенно верно, я не знал, что и думать...— сказал Патар.

Мартин Латуш взял обе руки секретаря и, подчеркивая конфиденциальность предложения, сказал:

— Господин секретарь, я вас прошу пройти в мой таинственный кабинет.. —и, улыбнувшись, продолжал:

— Нужно, чтобы вы знали все мои секреты, я хочу вас посвятить в них. Вы такой же холостяк, как и я, и вы меня лучше поймете.

И Мартин Латуш подвел секретаря к маленькой двери таинственного кабинета, которую он открыл специальным ключем.

— Ключ всегда при мне, — заметил он. — Прошу в мое логово.

„Таинственный“ кабинет был комнаткой в четыре квадратных метра. Окно было открыто, а на полу, по столу, по креслам были разбросаны бумаги, разные вещи в отчаянном беспорядке. На пианино стояла лампа, бросая яркий свет на стены с развешанными на них музыкальными инструментами.

Очутившись среди этого хаоса, Ипполит Патар испуганно заморгал глазами.

Мартин Латуш снова закрыл дверь на ключ, подошел к окну, посмотрел на улицу, постоял минуту, потом закрыл окно

— На этот раз он наверно уже ушел. Он наверно понял, что сегодня ничего не удастся сделать.

— О ком вы говорите? — спросил снова затрепетавший Патар.

— О старикашке, как говорит моя Бабетта.

И рассеянно улыбаясь, он стал приводить в порядок вещи и бумаги.

— Видите ли, господин секретарь, здесь я у себя дома. Здесь, правда, не так хорошо прибрано, как в других комнатах, но сюда я не пускаю Бабетту. Здесь я прячу всю свою коллекцию музыкальных инструментов, а если бы она знала, наверняка бы все их сожгла. Не верите?.. Честное слово, сожгла бы... И моя старая северная лира, и моя арфа менестреля, сделанная в пятнадцатом веке, и моя гитара из Андалузии. Вы ее не видели? Нет? Посмотрите. А моя старо-французская лютня, а неаполитанская мандолина... неужели они должны бесславно сгореть?! Вы знаете, почему я так ценю свою гитару? Это самая старая гитара в мире. И подумать только, что ее можно бросить в печь! Поверьте, что это так. Я знаю свою Бабетту. Она не выносит музыки...

И Мартин Латуш тяжело вздохнул.

— И все это, — продолжал старый меломан, — все это от того, что музыка связана с делом Фуальдеса. Бабетта с тех пор не может видеть музыкальных инструментов. Вы не можете себе представить всех уловок, к которым мне приходилось прибегать, чтобы перенести сюда все эти инструменты. Сейчас я хочу купить старинную шарманку. Этой шарманке цены нет. А бедный старик и не подозревает о ее стоимости. Я встретил его однажды на новом мосту около четырех часов дня. Он собирал милостыню и играл на шарманке. Но я не хотел обманывать бедняка и пользоваться его незнанием. Я предложил ему

500 франков за его старый ящик. Дело было сейчас же решено. Это было находкой для него и для меня. Все это было сделать легко; самое трудное впереди: как я ее внесу домой? Открыто? Об этом и думать нельзя. Бабетта ни́ за что не допустила бы этого. И как нарочно, она всегда дома, когда ко мне кто-нибудь приходит. И вот начались мучения... Она встречала беднягу шарманщика то на дворе, то на лестнице в тот момент, когда мы меньше всего ожидали ее. Это была дьявольская охота. Хорошо еще, что старик очень кроткий человек. Сегодня, думая, что Бабетта уже спит, я решил подтянуть инструмент на веревках прямо через окно маленького кабинета. Я встал на письменный стол и собирался уже бросить веревку, как вдруг стол покачнулся, и все мои хитроумные сооружения полетели вниз. Понятно, шум был ужасный. А вы подумали, что меня убивают?.. Ах, вы были очень смешны, господин секретарь, с зонтиком, очками и кухонными щипцами! Вы были очень смешны, но и... храбры!

И Мартин Латуш захохотал от всего сердца. Ипполит Патар тоже засмеялся, хотя и менее весело. Как просто все объяснилось! Бывают в жизни случаи, когда взрослый человек рассуждает как ребенок, — думал Патар. Как он был наверно смешон в этой нелепой истории с Бабеттой и шарманщиком!

После этих объяснений Патар вдруг почувствовал острую жалость к старому холостяку, подпавшему под влияние своей экономки...

— О, не жалейте меня, — улыбнулся Мартин Латуш, — если бы не Бабетта, я давно был бы нищим с моими маниями. Мы не богаты, а я делал много глупостей в начале собирания моей коллекции. Бедная Бабетта, ей тогда было так трудно перебиваться и высчитывать каждый грош! Она во всем себе отказывала для меня. Она ухаживала за мной, как мать. Но она слышать не может музыки.

И Мартин Латуш с нежностью дотронулся до дорогих инструментов.

— Я их ласкаю совсем тихо, а когда уходит Бабетта, я играю на старой гитаре печальные мотивы, как настоящий трубадур. Нет, нет, я не очень несчастлив, господин секретарь! И потом у меня есть пианино... На нем я играю все, что хочу: и увертюры, и марши, и нежные элегии. Против пианино Бабетта не восстает.

Он подошел к пианино и концами пальцев пробежал по клавиатуре. Пожизненный секретарь ожидал услышать томный, глубокий звук, но пианино не издало ни одного звука: это было немое пианино. Такие инструменты выделываются для начинающих музыкантов, чтобы окружающие не страдали от гамм и экзерсисов.

И Мартин Латуш говорил, сидя за пианино с вдохновенным лицом, закинув волосы назад, подняв глаза к небу:

— Я иногда играю целый день. И только я один слышу музыку. Но как она хороша! Настоящий симфонический оркестр...

Он резко захлопнул крышку, и Ипполит Патар заметил, что Латуш плачет. Он подошел к старику.

— Мой друг, — тихо сказал он.

— О, вы очень добры, — сказал Латуш, — я вижу это. Как счастливо то общество, где есть такие люди, как вы! Теперь вы знаете все мои маленькие горести, мой таинственный кабинет, где происходят роковые свидания, и почему я не выношу, когда Бабетта подслушивает у дверей. Я очень люблю Бабетту, но еще больше свою старую гитару. Я бы не хотел расставаться ни с той, ни с другой... хотя иногда бывает нечего есть... Г. секретарь, вы тоже холостяк, но вы не коллекционер. Душа коллекционера беспощадна к телу холостяка. Да, да, это еще счастье, что у меня есть Бабетта. Но все-таки я обязательно приобрету эту шарманку, шарманку, которая мурлычет старые, старые мотивы, шарманку, которая, может быть, играла под окном несчастного Фуальдеса... Кто знает, кто знает...

И Мартин Латуш вытер пот с морщинистого лба.

— А ведь наверно очень поздно...

И с большими предосторожностями он вывел Патара из кабинетика в библиотеку. Потом, закрыв дверь на ключ, он добавил:

— Да, в самом деле уже поздно... Что заставило вас прийти так поздно, господин секретарь?

— До нас дошел слух, что вы отказываетесь быть преемником господина д'Аббевиля. Об этом говорят вечерние газеты.

— Это вздор! — ответил Мартин Латуш суровым тоном. — Я готов хоть сейчас представиться Академии.

Ипполит Патар радостно потер руки.

— Завтра же пошлю опровержение в газеты. Но скажите, дорогой коллега...

— В чем дело?

— Я опасаюсь быть нескромным...

Ипполит Патар казался сконфуженным; он смущенно вертел ручку зонтика. Наконец, он решился.

— Вы мне оказали столько доверия, что я рискну... Сперва я хочу вас спросить, хорошо ли вы знали г.г. Мортимера и д'Ольная?

Мартин Латуш ответил не сразу. Он переставил лампу на другой стол.

— Я провожу вас до дверей, — сказал он, — тогда вы сможете не опасаться неприятных встреч. Хотя наш квартал, несмотря на свой мрачный вид, очень тих...

— Нет, нет, дорогой коллега, не беспокойтесь пожалуйста.

— Как желаете, — не стал настаивать Латуш, — я вам посвечу.

Когда они уже спускались по лестнице, новый кандидат в академики ответил на вопрос Патара.

— Да, я конечно знал и Мортимера и д'Ольная... Мы были старые приятели, старинные друзья... И когда мы все трое оказались кандидатами на кресло покойного Аббевиля, мы решили не интриговать и не добиваться его в ущерб другим... Иногда

мы собирались у кого-нибудь из нас и обсуждали угрозы Элифаса. Эти разговоры и слышала Бабетта.

— Но о каком преступлении говорили вы, когда она услышала: „нет, нет, это невозможно. еще никогда в мире не было большего преступления“?

Мартин Латуш внезапно поскользнулся на лестнице и, оправившись, ответил:

— Вот как было дело. В тот вечер, как я уже говорил вам, мы вспоминали Элифаса, и хотя Максим д'Ольнай и подшучивал над ним, но в конце концов заметил: „очень странно, что Элифас исчез после своих угроз“... В тот же день мы поздравили Мортимера с избранием его в Академию. и Максим д'Ольнай предостерегал его от возможных роковых неожиданностей. Мортимер принял это всерьез, и вся радость избрания пошла на смарку. Разве этот проклятый Элифас не говорил, что кресло Аббевиля будет роковым для того, кто займет его раньше Элифаса? И вот в этот момент, заметьте это, господин секретарь, в этот момент я возмущенно воскликнул: „Нет, нет, это невозможно... Никогда в мире еще не было большего преступления“. Ну, вот мы и пришли...

Они стояли перед большой дверью. Латуш выдвинул огромный скрипучий засов, дважды повернул ключ в старинном замке и открыв дверь, выглянул на площадь:

— Все спокойно, — сказал он, — все спят. Хотите, я вас все-таки провожу домой, коллега?

— Нет, нет, я просто одурел от страха. Извините, меня, и позвольте в последний раз пожать вашу руку.

— Как в последний раз?.. Разве вы думаете, что я умру, как и другие?.. Едва ли: ведь у меня нет болезни сердца.

— Ну, что вы... конечно, все это пустяки! Я думаю, я уверен, что вскоре мы будем весело смеяться над своими ночными страхами. Еще раз, до свидания, дорогой коллега. От души поздравляю вас.

Ипполит Патар уже был на новом мосту, когда его окликнул Латуш:

— Подождите минутку... Я надеюсь, господин секретарь, что все, мною сказанное, останется между нами. Мои маленькие тайны...

— Будьте спокойны, — ответил Патар, — ведь никто даже не предполагает, что я у вас сегодня был. Спокойной ночи, дорогой друг!

ГЛАВА V

Опыт № 3.

Наступил великий день. Торжество было назначено Академией на пятнадцатое число, что приходилось как раз на другой день после торжественных похорон Максима д'Ольнай.

Знаменитое учреждение решило покончить с тем печальным положением, в котором оно оказалось благодаря смерти двух кандидатов. Надо было,

как можно скорее, покончить со всеми вздорными слухами, которые не переставали распускать последователи Элифаса-де-ля-Нокс, друзья прекрасной м-м Битини и весь клуб „пневматиков“ *).

Что касается самого чародея Элифаса, то он точно совершенно исчез с лица земли. И все были встревожены именно этим исчезновением.

И все же самым спокойным человеком, несмотря на таинственный и волнующий разговор с Мартином Латушем, был Ипполит Патар.

Когда наступил день доклада Мартина Латуша, снова разгорелось всеобщее любопытство, одинаково захватившее как умных, так и глупых.

Толпа, устремившаяся на приступ Купола **), мгновенно заполнила все помещение, волновалась на улице, теснясь и толкаясь, заполнила всю площадь и прилегающие улицы и совершенно прекратила всякое уличное движение.

Внутри, в Большом зале публичных заседаний, все стояли, мужчины и женщины, волнуясь в ожидании любопытного зрелища.

---

*) Phneumatiques — пневматики, резиновые шины; pneumatistes (от pneuma—душа) последователи одной из философско-шарлатанских школ анимизма. Г. Леру играет словами, сходными в произношении, попутно сводя счеты с недругами — академиками и анимистами.

**) Купол—характерная деталь архитектуры Парижской Академии. Последнюю на жаргоне бульваров часто называют просто „куполом“, а то и „колпаком“, а академиков непочтительно: „люди из-под колпака“.

Заседание еще не началось, но не было слышно обычного гула толпы. Наоборот, с каждой минутой тишина гигантского сборища становилась все более глубокой, тягостной и гнетущей.

Кой-кто заметил, что м-м Битини на этот раз воздержалась от посещения торжества, может быть, в виду давки, а может быть из-за нелестного приема в прошлый раз.

На том месте, что она занимала в прошлый раз, восседал корректный человек с буржуазным брюшком, округлость которого обвивала толстая золотая цепь.

Гаспар Лалует,— это был он,— смотрел на кафедру, с которой Мартин Латуш должен был читать свой доклад.

Минута... Только одна минута осталась до назначенного времени. Ровно через минуту президент откроет заседание, если... если прибудет докладчик. Мартин Латуш все еще не являлся.

Его друзья тщетно ждали его. Они толпились у двери, беспокойные, расстроенные, оглядываясь и по многу раз выходя на улицу посмотреть не едет ли Латуш.

Не отступил ли он в последнюю минуту... Не испугался ли он...— тревожно думал Ипполит Патар и еще больше пожелтел при этой мысли и инстинктивно ощупал свой зонтик.

Ах, какое тягостное ожидание!.. Какое мучительное состояние, особенно для пожизненного секретаря всеми уважаемой Академии!..

Внезапно Ипполит Патар поднялся с места, прислушиваясь к глухому отдаленному ропоту... Шум шел снаружи... приближался... Без сомнения, это были приветственные возгласы толпы, встречающей бесстрашного Мартина Латуша.

— Это он! — громко произнес Ипполит Патар.

И вся зала, которая до сих пор жила одним и тем же волнением, еще больше утихла, затаив дыхание.

И вдруг, точно буря разразилась над Куполом: толпа народа устремилась в залу, захлопали двери, были сметены сторожа.

Ипполит Патар почувствовал, что волосы у него встают дыбом.

Какое-то человеческое существо, беспорядочно одетое, со сбившимся на сторону корсажем и волосами, развевающимися как у Медузы-Горгоны, вкатилось в залу и, протягивая скрюченные пальцы по направлению к эстраде, где восседал почетный президиум, прохрипело:

— Господин пожизненный!.. Он умер!.. Вы его убили!..

ГЛАВА VI

Музыка, которая убивает.

Итак, Мартин Латуш умер. Умер таинственно и внезапно, как другие. Если волнение толпившихся вокруг старой Бабетты граничило с безумием, то

неистовство толпы на площади и во всем Париже не имело границ.

Чтобы немного припомнить все эти обстоятельства, нужно перечитать газеты, вышедшие на другой день и занятые только этой катастрофой. Выдержка из газеты „Эпоха“ дает достаточно точное представление о состоянии умов.

Вот она:

„Серия продолжается. После Жегана Мортимера, после Максима д'Ольнай, теперь Мартин Латуш умирает на пороге бессмертия*), и кресло д'Аббевиля остается незанятым. Известие о внезапной смерти третьего кандидата в академики, пытавшегося занять то место, которого не так давно добивался таинственный Элифас, распространилось вчера по Парижу с быстротой молнии.

Мы не будем терять здесь времени на передачу всех тех глупостей, которые повторялись на всех углах и даже печатались в иных изданиях. Господин Элифас-де-Сент-Эльм-де-Теллеберг-деля-Нокс должен радоваться в своем дьявольском убежище.

Но что касается нас, то мы думаем, что пора насмешек и двусмысленных предположений миновала. Мы громко объявляем во всеуслышание наше непоколебимое убеждение, зародившееся у многих еще после смерти Максима д'Ольнай:

*) Академики Франции носят титул „бессмертных“. На смерти бессмертных и играет Г. Леру.

Нет, нет, все эти смерти не могут быть естественными!

Утверждая это, мы вовсе не хотим допустить присутствия какого-либо оккультного влияния, которое действовало бы вне естественных законов природы. Мы оставляем эти бредни дамам из клуба „пневматиков“ и категорически заявляем прокурору республики:

— Тут чувствуется преступная рука, разыщите ее!“

И отчет репортера о первых допросах в другой газете:

„...Врачи, исследовавшие тело Мартина Латуша, заявили, что причиной смерти явилось старческое истощение.

Первой из допрошенных по этому делу была, разумеется, старая служанка Бабетта, которая клялась отомстить за смерть Латуша. Она рассказала о действительно исключительных обстоятельствах смерти старика. Передаем ее показание с сохранением стиля:

„С некоторого времени мой хозяин только и жил, что предстоящим вступлением в Академию, и я слышала, как он говорил об Аббевиле, Мортимере и д'Ольнай с таким восторгом, точно они были сахарными ангелами с елки.

Тогда я сказала себе:

„Бабетта, ты не должна покидать этого седого младенца и будешь защищать его до последнего мгновения“.

В день выступления я оделась и поджидала его, сидя на кухне с открытой дверью, решивши сопровождать его в эту Академию Несчастий, на край света, повсюду... Я ждала, но он не выходил. Прошло добрых четверть часа, как он должен был бы выйти. Я уже начала терять терпение, как вдруг... что я услышала!.. Ту самую дьявольскую арию!.. Арию, убившую этого бедного Фуальдеса!.. Да, да. Опять,— подумала я, — внизу появился этот проклятый старикашка с шарманкой.

Я сказала себе:

„Вот бьет час Академии. Час смерти".

И открыла окно, чтобы посмотреть на улице ли старик и заставить его замолчать. Но там не было никого. Я вышла из кухни. Никого на дворе, никого на улице, а песня продолжается. Она доносилась сверху... Может быть, старик взобрался к нам на лестницу? Но и на лестнице никого не было, на первом этаже тоже, а между тем ария Фуальдеса, которая меня преследует вот который раз, звучала беспрерывно, и чем дальше я шла, тем яснее становились эти унылые звуки. Я открыла дверь библиотеки—можно было подумать, что песня несется из-за книг. Моего хозяина в библиотеке не было. Я прислушалась... Проклятая ария исходила из маленького кабинета... Может ли это быть... Я приблизилась к двери с сильно бьющимся сердцем

Я позвала:

— Сударь... сударь!..

Никакого ответа. Песня продолжала звучать за дверью маленького кабинета. Я страшно волновалась и оперлась рукой о дверь, чтобы не упасть. Дверь открылась. В то же мгновение раздался как бы громкий скрежет в механизме шарманки. Этот звук прямо разорвал мне сердце и уши. Я была потрясена, но то, что я увидела, заставило меня вскочить на ноги и застыть, как статую. Посреди груды музыкальных инструментов стоял мой хозяин, прислонившись к шарманке старика. Ах, я хорошо ее узнала... Это была именно та шарманка, что играла проклятую арию, но старика в комнате не было. Рука моего хозяина еще покоилась на ручке шарманки. Я бросилась к нему. Он пошатнулся и упал во всю длину на паркет. Мой хозяин был мертв, убит музыкой, которая убивает".

Вот что сообщила Бабетта".

Старый Мартин Латуш, любитель и коллекционер старинных инструментов, без сомнения, приобрел таки эту знаменитую шарманку, обманув бдительность Бабетты, и в тот момент, когда он впервые пробовал свое приобретение, он упал мертвым, убитый изнурительным режимом, которого он придерживался так долго.

Под давлением общественного мнения судебные власти решили прибегнуть к вскрытию трупов.

Несмотря на все влияние и протесты видных членов Академии, было произведено вскрытие еще свежих останков Жегана Мортимера и Максима д'Ольнай. Судебная экспертиза не обнаружила никаких следов яда. При осмотре тела Мортимера не было обнаружено ничего особенного, но на лице Максима д'Ольнай оказались некоторые следы, которые при других обстоятельствах прошли бы незамеченными и их можно было бы приписать обычным дефектам кожи. Это были легкие ожоги, оставившие на лице звездообразные пятна. Двое из трех врачей (так как третий вообще не видел ничего подобного) утверждали, что, рассматривая эти ожоги вблизи, можно было различить на лице трупа как бы очертания северного сияния.

Понятно, не менее тщательно судебная экспертиза исследовала и тело Мартина Латуша, но не обнаружила ничего, кроме очень слабого кровотечения из носа, которое распространялось также через рот. У края носа и у рта с той стороны, где лежало тело, нашли маленькую лужицу запекшейся крови.

Наконец — осталась шарманка. Эксперт-антиквар, торговавший более или менее подлинными Страдивариусами*), потребовал осмотра инструмента.

*) Страдивариус — знаменитый итальянский мастер (1644 — 1737), изготовлявший лучшие скрипки, названные его именем. Скрипки его настолько редки и ценны, что во все времена их во множестве подделывали. Отличить подлинную скрипку могут только эксперты. Поэтому торговля „более или менее подлинными" Страдивариусами доходное занятие, нередкое в Париже.

Он исследовал шарманку весьма тщательно осмотрел со всех сторон и даже сыграл „преступную арию“—по выражению Бабетты.

— Ну,— спросили его,— как по вашему? Обыкновенный это инструмент?

— Нет,—ответил он,— этот инструмент совсем необычен. Это одна из наиболее редких и старинных вещей, привезенных из Италии во времена Наполеона.

— Нашли вы что-нибудь ненормальное в ней?

— Ничего.

— Полагаете ли вы, что эта шарманка имеет непосредственную связь с преступлением?

— Я ничего не могу утверждать,— уклончиво ответил антиквар,— я не присутствовал при том скрежете в механизме шарманки.

— Но вы думаете, что тут было преступление?

— Гм... гм...

Тщетно допрашивали этого человека,— что он хотел сказать своими „гм... гм“..

Этот эксперт торговал также картинами. Он жил на улице Лафитт и звался Гаспар Лалует.

ГЛАВА VII

Секрет Тота *).

Несколько дней спустя, в четверть четвертого пополудни, на станции Варенн-Сент-Иллер из вагона

*) Под именем секрета Тота обычно разумеют один из жупелов средневековой алхимии, наряду с философским камнем и водой молодости, составлявший предмет исканий алхимиков.

второго класса вышел пассажир лет сорока пяти, с круглым брюшком, украшенным толстой золотой цепью.

Аккуратно запахнувшись в широкое пальто, он направился по центральной улице, оканчивающейся у Марны, перешел мост, ведущий в Шенневьер, и вышел на правый берег реки.

Он шел по берегу приблизительно четверть часа, потом остановился и постарался ориентироваться. Он оставил за собой последние дачи, необитаемые с лета, и находился теперь на пустынном ровном месте. Далеко впереди он заметил острую крышу дома, окруженного группой еле заметных издали серых деревьев,—и ускорил шаги.

Было около четырех часов, когда он добрался до группы деревьев. Дом, который они окружали, был прочной новой стройки с высокой оградой. Имелся единственный вход через железные решетчатые ворота. Далеко кругом не было ни одного домика.

У ворот висела ручка звонка. Человек позвонил. Тотчас же две громадных собаки, настоящие овчарки, бросились к нему с громким лаем. Если бы их не разделяла решетка, человеку плохо пришлось бы.

Вдруг громкий гортанный голос закричал:

Объяснение его, даваемое Леру, базируется на апокрифических книгах „ученых“ Халдеи, Египта и Греции. Но если отбросить алхимическую мишуру, то мы увидим, что речь идет только о превращении энергии,—вопросе, который с открытием электричества, радия и атомной теории имеет вполне научное основание.

— Аякс! Ахилл! Назад, подлые твари!

У решетки показался настоящий гигант, двух, а может быть и двух с половиной метров ростом. Голова его была совершенно круглая с короткими волосами, подстриженными ежем, пушистые усы закрывали половину лица, а борода была всклокочена, как шерсть овчарок.

Громадными лапами он раскидал собак в разные стороны.

Посетитель испытал легкий испуг, и неприятный трусливый холодок пробежал у него по спине. Правда, и в воздухе не ощущалось летней теплоты...

Он процедил сквозь зубы:

— Меня предупреждали, чтоб я остерегался собак, но мне ничего не сказали о гиганте.

Гигант повернул к нему свое грубое лицо:

— Что вам надо?

— Я хотел бы поговорить с м-сье Лустало.

— Зачем он вам нужен?

— Скажите ему, что по очень важному поводу. Дело касается Академии.

При этих словах посетитель протянул свою визитную карточку, гигант взял карточку через решетку и удалился. Тотчас же собаки с угрожающим видом приблизились к решетке, но на этот раз без рычания.

Прошло десять, двадцать минут. Посетитель ждал. Потом посмотрел на часы:

— Еще не так поздно. Тем лучше. Кажется, придется ждать часа два-три, пока меня примут и

проведут в стены этой крепости. Они не тревожат себя во время занятий и может быть даже забыли про меня. Все дозволяется великому Лустало.

Великий Лустало, гордость и слава мировой науки, был в сущности невелик, т. е., я хочу сказать, ниже среднего роста.

Мы знаем, что вне своих работ он был вялым и рассеянным и проходил между людьми подобно легкой неуловимой тени. Таковы были сведения о нем, известные всем, в том числе и посетителю.

Поэтому он испытал большое изумление, увидев великого маленького ученого, бегущего к решетке со всей доступной для его маленьких ножек быстротой.

Ученый обратился к нему:

— Это вы и есть м-сье Гаспар Лалует?

— Да, учитель, это я,—произнес тот, снимая мягкую фетровую шляпу.

Тогда у решетки показалась розовая, улыбающаяся физиономия великого Лустало в уровень со страшными мордами овчарок и как раз между ними. Это была замечательная картина.

— Так это вы были экспертом при обследовании шарманки?

— Да, учитель, это был я.

— Хорошо, войдите... на дворе сегодня холодно.

И великий Лустало отодвинул засов решетки.

„Войдите“ — легко сказать, будучи другом Аякса и Ахилла.

— Не бойтесь моих собак,— сказал Лустало.— Они кротки, как ягнята.

Действительно, Аякс и Ахилл нежно лизали руки своего господина. Гаспар Лалует геройски решился, протиснулся в ворота, и они направились к дому.

Дом Лустало был большой и прекрасной постройкой, солидной и комфортабельной, сложенной из лучших кирпичей и камня. Он был окружен со стороны сада и двора маленькими пристройками, без сомнения, предназначенными для обширных научных работ Лустало, тех гениальных работ, что производили переворот в химии, физике, медицине и других науках.

Особенностью великого Лустало было то, что он работал всегда один. Он совершенно не переносил никакого сотрудничества и жил круглый год в своем уединенном доме с единственным слугою, гигантом Тоби.

Они вошли в комнату на втором этаже, которую Лустало назвал гостиной. Это была совершенно пустая комната без обычных для гостиной украшений на стенах: вся обстановка состояла из одноногого столика и трех соломенных стульев.

Обе собаки неотступно следовали за своим хозяином и вместе с ним вошли в комнату.

— Садитесь, дорогой Лалует,— сказал Лустало.— Я не знаю, что вас привело ко мне, но я буду счастлив иметь беседу с вами. Я узнал из газет, которые я иногда читаю...

— Я, дорогой учитель, не читаю их никогда, но моя жена иногда просматривает их для меня. Таким образом, я, не теряя времени, бываю в курсе всего происходящего.

Тут он запнулся и прервал свою речь.

Внезапно Лустало, до того такой спокойный и любезный, стал выказывать признаки беспокойства. Его глаза, только что улыбавшиеся Лалуету, вдруг сделались тусклыми, неподвижными, как глаза человека, который прислушивается к чему-то вдалеке, чего он не может разобрать.

В то же время обе собаки, расположившиеся по бокам Лалуета, медленно открыли свои пасти и испустили протяжный вой.

Подавленный, даже испуганный, Лалует поднялся, не теряя, однако, хладнокровия. Это движение точно вернуло Лустало к действительности. Он вскочил, бросился на собак и заставил их замолчать градом ударов маленьких, но крепких рук. Потом, повернувшись к Лалуету, он заговорил с ним вдруг самым суровым и нелюбезным тоном:

— Ну, сударь, поторопитесь... я не могу терять времени... Говорите... Эта история с Академией... Надо полагать, что она должна прекратиться, иначе... „Куда мы идем, куда мы идем“, как говорит этот добряк Патар. Нет, это кончено... Троих совершенно достаточно... Но говорите же, сударь, я вас слушаю! Итак, вы исследовали эту шарманку... И вы сказали,—я читал это,—гм... гм... Что же вы думаете?

И он добавил детским наивным тоном:

— Это очень забавно, эта история с музыкой, которая убивает.

— Не правда ли?—осмелился наконец вставить Лалует.—Итак, дорогой учитель, я явился к вам как из-за шарманки, так и из-за секрета Тота,—ведь вы читаете газеты...

— О, я их иногда просматриваю, господин Лалует, но совершенно не знаю, что это за секрет Тота.

— Увы, это не мой секрет, но я хотел бы вам поведать, в чем он состоит.

— Виноват, виноват, не будем отклоняться от темы. Есть ли какая-нибудь связь между музыкой, которая убивает, и секретом Тота?

— Без сомнения, уважаемый учитель, иначе я не стал бы упоминать о нем.

— В конце концов, скажете вы, что заставило вас явиться сюда?

— Я хотел узнать у вас, как у наиболее ученого человека и уважаемого всеми, к тому же, может ли одно существо, владеющее секретом Тота, убить другое, неизвестным людям способом? То, что хочу знать я, Гаспар Лалует, призванный обстоятельствами в качестве эксперта высказать свое мнение в этой мрачной трагедии,—заключается в следующем: Мартин Латуш, Максим д'Ольнай, Жеган Мортимер, могли ли они быть убитыми...

Лалует не успел формулировать свой вопрос до конца, как Аякс и Ахилл снова открыли свои

угрожающие пасти, из которых вырвался еще более ужасный, чем прежде, вой.

Великий Лустало с неподвижно уставленными куда-то глазами, как у человека, к чему-то прислушивающегося, был бледен, как полотно.

Но на этот раз он не заставил собак молчать... Вместе с их воем Лалуету послышался другой вопль, еще ужаснее, еще страшнее, как будто то был безумный крик истязуемого человека...

Но это была, без сомнения, лишь иллюзия слуха, так как собаки замолчали, и одновременно с этим прекратился звук, напоминавший Лалуету человеческий крик.

Тогда Лустало с глазами, вновь оживленными и блестящими, произнес, продолжая начатую беседу:

— Понятно, они не были убиты. Это невозможно.

— Не правда ли? Это невозможно! — воскликнул Лалует.— И секрет Тота не существует.

Лустало почесал себе кончик носа и пробормотал:

— Гм... гм...

Его глаза снова стали далекими. Лалует продолжал говорить, но было очевидно, что Лустало его не слушал, даже не видел, может быть, просто позабыл о его существовании...

Вдруг Лустало тихо поднялся и вышел из комнаты, совершенно спокойно, ни слова не сказав своему гостю. Уходя, он также медленно, точно автоматически, запер дверь, оставив Лалуета наедине с двумя овчарками.

Лалует встал и направился к двери, но между ним и ею вдруг оказались Аякс и Ахилл, которые весьма выразительно смотрели на него, как бы предупреждая, чтобы он не делал лишнего шага в направлении к выходу. Несчастный, ничего не понимая, закричал, зовя кого-нибудь, кто бы выпустил его. Но ему пришлось сейчас же замолчать, так как его крик, повидимому, рассердил собак, оскаливших огромные клыки. Лалует замер.

Прошло несколько томительных минут. Собаки снова подняли морды и завыли. Внезапно, когда они смолкли, человеческий—на этот раз Лалует прекрасно различил, что это именно человеческий—вопль задрожал в воздухе и охватил ледяным кольцом мозг несчастного посетителя. Лалует бросился к окну и увидел пустынное белое пространство. Далеко, далеко простиралось совершенно белое от снега поле. Собаки продолжали тоскливо выть. Лалует упал без сил в кресло и зажал уши. Но и так он продолжал слышать отчаянный крик и вой собак и, чтобы не видеть их оскаленных морд, закрыл и глаза.

Только при звуке открывающейся двери он открыл их. Это входил Лустало. Собаки затихли.

Великий Лустало вежливо обратился к Лалуету:

— Прошу извинить меня, что оставил вас одного в таком неподходящем обществе... Вы знаете, когда производишь научные опыты, то...

— Дорогой учитель,—ответил Лалует, и голос его слегка дрожал.—Я только что слышал ужасный крик.

— Не может быть,— сказал удивленный Лустало.— Что вы говорите? Здесь?

— Здесь.

— Но здесь живут только я да мой старый Тоби, и я только что видел его и смею вас уверить, что он не имел оснований кричать.

— Может быть, кричали где-нибудь поблизости? В окрестности?

— Без сомнения... Я даже уверен в этом... Ба! Какой-нибудь браконьер на Марне. Но поговорим, как рассудительные люди, а не как дети, испугавшиеся отдаленных криков. Скажите, разумно ли с вашей стороны являться ко мне, отнимать мое драгоценное для науки время и спрашивать, что я думаю о секрете Тота и музыке, которая убивает.

— Сударь, м-сье Раймонд Бессиер посоветовал мне обратиться именно к вам.

— Раймонд Бессиер... Друг Битини... Один из „пневматиков“... И эти дураки называют его ученым! Вероятно, он сам знает, что это за секрет Тота... Для чего же он посылает вас ко мне?

— Так вот, я явился к нему именно ради этого секрета Тота. Нужно вам сказать, что Элифас, над которым раньше все смеялись, показался теперь всем достойным не смеха, а ужаса. У него сделали обыск в лаборатории на улице Гюшетт и там нашли формулы, которые вовсе не так безвредны, как можно было думать, так как в них достаточно

познаний по химии и физике, чтобы на расстоянии отправлять людей на тот свет.

— Для этого,— рассмеялся великий Лустало,— существует совсем не сложная формула пороха.

— Да, но она общеизвестна, тогда как другая формула неизвестна никому и потому именно опасна,— я говорю о секрете Тота. Побуждаемые общественным мнением, власти запросили Раймонда Бессиера, одного из наиболее выдающихся египтологов, что такое секрет Тота. Он ответил им буквально следующее,— я выучил текст наизусть: „Секрет Тота гласит: ты умрешь, если я захочу, через нос, глаза, рот и уши, ибо я владыка света, воздуха и звука".

— Возмутительный тип был этот старик Тот,— насмешливо вставил Лустало.

— Если верить Раймонду Бессиеру,— невозмутимо продолжал Лалует,— этот самый Тот был первым изобретателем магии. Его формулы нашли в Саккарахе, высеченными на стенах древних усыпальниц в пирамидах фараонов пятой и шестой династий. Это самый древний египетский текст, из до сих пор открытых.

— Дорогой Лалует, вы говорите, как книга. Слушать вас одно удовольствие.

— Я наделен, дорогой учитель, изумительной памятью, но не горжусь этим. Я невежественнейший из людей и явился смиренно просить вас высказать свое мнение о секрете Тота. Раймонд Бессиер сказал, что письмена, дающие могущество, о котором

говорит Тот, были расшифрованы Элифасом-де-ля Нокс. Вы знаете, что произошло. Как только стал известен текст секрета Тота, немедленно нашлись люди, готовые все объяснить его могуществом.

— А!.. В самом деле?

— Они связали находку ужасных формул, дающих основание думать, что Элифас владеет частью секрета Тота (смерть через звук), со словами старой Бабетты о музыке, которая убивает. Они говорят, что Элифас или старик-шарманщик ввели какую-то незначительную деталь в механизм шарманки, какую-то силу, убивающую во время музыки, быть может, заключили ее в коробочку, которую потом незаметно вынули из шарманки. Вот почему меня пригласили осмотреть шарманку.

— Это вас сильно заинтересовало?— спросил ученый почти ласковым тоном.

— Сама шарманка не интересовала меня больше, чем другие вещи ее возраста,— ответил тот с легким замешательством.— Вы знаете, мне приходилось на своем веку продавать шарманки и довольно старые, и мне захотелось взглянуть на эту.

— Что же вы хотели увидеть?

— Знаете, уважаемый учитель, я так и не увидел ничего особенного в шарманке, но случайно сбоку, в стенке я открыл кое-что, один странный предмет. Вот он.

И Лалует достал из жилетного кармана длинную, тонкую трубочку, заканчивающуюся конусом

и напоминающую на первый взгляд мундштук, употребляемый в духовых инструментах.

Лустало с улыбкой взял трубочку, довольно небрежно осмотрел ее и возвратил Лалуету.

— Это мундштук от какой-нибудь трубы,— сказал он.

— Я тоже так думаю. Но представьте себе, дорогой учитель, этот невинный мундштук был тщательно скрыт в отверстии, просверленном в стенке шарманки. Я никогда еще не видел подобных мундштуков в шарманках, да еще тщательно скрытых. Извините меня, но я сказал себе: „Быть может, вот этот мундштук предназначен дать определенное направление звуку, который убивает".

— Ну, мой уважаемый антиквар, довольно. Вы так же глупы, как и все прочие. Что вы собираетесь делать с этим мундштуком?

— Дорогой учитель,— ответил Лалует, вытирая пот, обильно выступивший на лице,— я ничего не буду делать с ним и даже готов его выбросить, и не только его, но и всю эту историю из своей головы, если такой человек, как вы, откроет мне, что такое секрет Тота.

— Хорошо. Слушайте внимательно: это секрет олухов. Прощайте, м-сье Лалует, прощайте. Аякс, Ахилл, пропустите господина Лалуета.

Но Лалует, который так неожиданно обрел свободу, не сделал ни малейшей попытки воспользоваться ею.

— Еще один вопрос, дорогой учитель.

— Ну, что еще? — уже сердито спросил Лустало.

— Вот что. Те, которые утверждают, что Элифас мог убить музыкой, которая убивает, говорят также, по словам секрета Тота, где упоминается о смертельном могуществе света, что Максим д'Ольнай был убит солнечным ударом.

— Солнечным ударом... Вас и всю эту публику надо немедленно запереть в больницу... Почему солнечным ударом, чорт возьми?

— Да, ему направили в глаза с помощью какого-то приспособления отравленный луч, который поразил его мозг через глаз и вызвал мгновенную смерть. Говорят, что луч убил его в тот момент, когда он читал свой доклад, и что д'Ольнай, прежде чем упасть мертвым, сделал жест, как бы отгоняя от лица муху или защищаясь от неожиданного резкого света, направленного ему в глаза.

— Ага, прямо в глаза, так, так... гм...

— Не смейтесь, сударь, это так. Наконец, секрет Тота позволяет убивать еще через рот или через нос. Эти безумцы (я вижу, что иначе их нельзя назвать) избрали для Мортимера смерть через обоняние.

— Они не могли поступить лучше, сударь,— объявил великий Лустало,— с этим поэтом трагических запахов. Вышел удачный каламбур...

— Да, запахи иногда бывают трагичнее, чем это думают, так даже было сказано в письме.

— Ха-ха-ха...

— Смейтесь, смейтесь... Но я уж попрошу вас смеяться до конца. Эти же господа еще утверждают, что первое письмо, принесенное Мортимеру, было собственноручно написано Элифасом, тогда как второе только скверная шутка глупого шутника. В свое письмо Элифас, без сомнения, вложил какой-нибудь тонкий яд.

— Для нервного человека, да еще соответственно настроенного, довольно и простой понюшки табаку,— согласился Лустало.

Не сдерживая больше своей радости, при этих словах Лалует схватил великого Лустало в свои объятия и осыпал его поцелуями. Маленький ученый тщетно отбивался от него.

— Оставьте меня,— кричал он,— вы с ума сошли!.. Я спущу на вас собак!..

— Ах, какое облегчение,— восклицал восторженный Лалует,— какое счастье!.. Как вы добры!.. Как вы велики!.. Как вы гениальны!..

— Вы сошли с ума!— сказал Лустало, освободившись наконец от непрошенных ласк, сердитый и не понимающий, в чем дело.

— Нет, это они сошли с ума. Повторите это, дорогой учитель, и я уйду успокоенный.

— Конечно, они сошли с ума.

— Ах, ах, это замечательные слова!.. Они сошли с ума... великолепно!..

— Они все сошли с ума,— повторил Лустало.

И оба повторяли: „сошли с ума“, „сошли с ума“, смеясь при этом, как дети.

Расстались после бесконечных взаимных приветствий лучшими в мире друзьями. Лустало проводил Лалуета до ворот, долго кивал ему вслед и смеялся.

ГЛАВА VIII

Уменьшение бессмертия во Франции.

Тридцать девять... Жребий был брошен. Теперь говорили: тридцать девять. Имелось только тридцать, девять академиков и никто не выражал желания стать сороковым. Прошло уже несколько месяцев со времени трагических событий, и ни одна кандидатура на заколдованное кресло еще не выставлялась.

Академия была опозорена. Да, настали грустные времена, и авторитет Бессмертия был весьма сильно поколеблен. О нем не упоминали иначе, как с улыбкой.

Да, публика смеялась, но Академии было совсем не до смеха. Ипполит Патар сильно изменился. Пожизненный секретарь, приняв хронически-желтый цвет, стал таким мрачным и худым, что был как две капли воды похож на Лазаря в первый день воскресения. Он обвинял только самого себя в смерти несчастного меломана Латуша. Наконец, обретя снова здравый смысл, он нашел, что Академия никогда еще не нуждалась так в его услугах, как теперь. Он героически занял свое место. Но все же, отправляясь в Академию, он вынужден был избирать обходный путь, чтобы не быть узнанным и не стать объектом насмешек глумливой улицы.

Занятия в Академии протекали в подавленной обстановке, когда в один прекрасный день несколько членов комиссии, сосредоточенно работавшие в Малом зале, были встревожены шумом и хлопаньем дверей в соседней комнате.

Дверь распахнулась, и в зал поспешными шагами вошел Ипполит Патар, внезапно снова обревший свой утраченный розовый цвет лица.

Все вскочили с мест.

Пожизненный секретарь был так взволнован, что не мог говорить. Он держал в руке клочок бумаги, размахивал им, но с его губ срывались лишь невнятные звуки.

Его окружили, взяли у него из рук бумагу и прочли:

„Имею честь выставить свою кандидатуру на кресло члена Французской Академии, освободившееся за смертью г.г. Аббевиля, Мортимера, д'Ольнай и Мартина Латуша.

Жюль-Луи-Гаспар Лалует,

литератор, корреспондент Академии.

32-бис, улица Лафитт, Париж".

ГЛАВА IX

Положение бессмертия во Франции улучшается.

Во Франции всегда найдется достаточно храбрый и разумный гражданин, который устыдит толпу своим примером.

Серьезные, сдержанные академики заволновались, как дети, и... стали на радостях обниматься... Воспоминание об этом счастливом дне поцелуев и объятий сохранилось в традициях Академии под названием „поцелуя Лалуета".

Все семеро академиков улыбались и обнимались... Увы, их было только семеро! Теперь на заседания являлось очень мало академиков, и заседания были очень невеселы. Но это заседание имело все шансы стать для Академии историческим.

Все семеро решили немедленно нанести официальный визит этому великолепному, благодетельному Жюль-Луи-Гаспару Лалуету и сделать ему, по уставу Академии, официальное предложение занять, увы, пустующее кресло Аббевиля.

К тому времени Ипполит Патар, наконец, пришел в себя и послал швейцара нанять два закрытых экипажа для всей компании, но подвести их к боковому входу Академии во избежание неприятных инцидентов с толпой, которая не упустила бы случая поиздеваться над переселением академиков.

Наконец, довольно благополучно прибыли на улицу Лафитт. Экипажи уехали, и Ипполит Патар констатировал, что они находятся как раз против дома № 32-бис. И, сопутствуемый своими коллегами, он решительно направился в подъезд.

На вопрос швейцара, кого они ищут, пожизненный секретарь отвечал:

— Господина Гаспара Лалуета.

— Он вероятно в своей лавке, сударь.

Семеро переглянулись. Лалует, корреспондент Академии, в лавке?! Швейцар наверно перепутал...

Патар уточнил свой вопрос:

— Мы желаем видеть г. Лалуета, корреспондента Академии.

— Ну, да, сударь... Я же вам сказал, что он в лавке. Вход с угла.

Семеро посетителей, достаточно удивленные, двинулись обратно и очутились на улице перед антикварной лавкой, над которой висела простая, но солидная вывеска:

ГАСПАР ЛАЛУЕТ

— Это здесь,— сказал Патар и открыл дверь лавки.

Остальные последовали за ним, недоумевающие, но скрывая свои чувства. Пожизненный секретарь бросал на них сверкающие взгляды ободрения и успокоения. Навстречу им поднялась дама средних лет. Ее седые волосы и строгая осанка придавали ей величественный вид. Толстая золотая цепь обвивала гордую шею. Она спросила, что желают господа. Патар отвесил низкий поклон и ответил, что господа хотят говорить с господином Гаспаром Лалуетом, корреспондентом Академии.

— Как мне сказать о вас?— спросила дама.

Ипполит Патар голосом сержанта, командующего на параде, провозгласил:

— Его хочет видеть Французская Академия.

Дама охнула, прижала руки к груди и улетучилась.

Вскоре она вернулась в сопровождении мужчины приятной внешности с буржуазным брюшком, украшенным толстой золотой цепью, как у дамы. Он был мертвенно бледен и, шатаясь, безмолвный, направился навстречу академикам.

— Ведь это вы, г. Лалует, корреспондент Академии, выставивший свою кандидатуру на кресло покойного Аббевиля? — спросил ласково Патар.— Если это так, то позвольте президенту Академии, казначею, моим коллегам и мне, непременному пожизненному секретарю, приветствовать вас. Благодаря вам подтверждается истина, что во Франции всегда найдется достаточно храбрый и разумный гражданин, чтобы устыдить толпу своим примером.

И пожизненный секретарь церемонно пожал холодную руку Лалуета.

— Ну же, отвечай, Гаспар,— сказала дама с седыми волосами.

Лалует взглянул на жену, потом на посетителей, потом опять на жену, потом на Ипполита Патара, но был так взволнован, что смог только пробормотать:

— Слишком много чести, сударь, слишком много чести. Позвольте вам представить мою жену... э-э... супругу...

Раскланялись. Наступило неловкое молчание.

Наконец, казначей сказал:

— Э-э... вам вероятно тяжело продавать такие прекрасные вещи...

— Надо же жить,— скромно потупился Лалует.

— Совершенно естественно,— подхватил пожизненный секретарь.—И я не знаю более почетного занятия, чем торговля предметами искусства.

— Это правда,— присоединились остальные.

— Я постоянно твержу это мужу,— сказала г-жа Лалует.— Но он не соглашается, и это обстоятельство служит предметом наших постоянных размолвок.

— Я в восторге, сударыня,— воскликнул Ипполит Патар.— Вы высокоодаренная женщина. Это нужно отметить во „Всем Париже".

И он с энтузиазмом поцеловал ей руку.

— Конечно,— отвечала она,— но только, когда он будет академиком.

Наступило короткое молчание. Ипполит Патар бросал свирепые взгляды на своих коллег. Надо было спасать положение: не могла же Академия оставаться без сорокового академика.

— Садитесь все,— проговорил он авторитетно,— поговорим серьезно. Господин Лалует, вы называете себя литератором... Значит ли это, что вы просто любите литературу, или же вы сами подвизаетесь в ней, опубликовали уже что-нибудь?

— Да, я уже издал два своих труда,— уверенно ответил торговец картинами.— И смею добавить, очень важные для знатоков.

— Прекрасно... Может быть, вы сообщите их заглавия?

— Первое — „Об искусстве обрамления".

— Превосходно.

— Второе—„О подлинности подписей на картинах наших знаменитых художников".

— Браво!..

— Естественно, что эти труды не получили распространения среди широкой публики, но они хорошо известны посетителям выставочных галлерей.

— Лалует, ты слишком скромен,— объявила его жена.— Мы имеем благодарственное письмо от одного лица, которое ценит моего мужа должным образом... Я имею в виду принца Кондэ.

— Принца Кондэ?..— воскликнули хором академики, вскакивая, как один человек.

— Вот письмо.

И г-жа Лалует действительно вынула письмо из-за корсажа.

— Я никогда с ним не расстаюсь. После мужа это самое дорогое для меня на свете.

Ипполит Патар обернулся к Лалуету и пожал ему руку.

— Мой дорогой коллега,— сказал он,— вы молодец! Академия гордится возможностью включить вас в число своих членов.

Все зааплодировали.

Дали слово Лалуету. Он привел всех в восторг эрудицией и свободой, с которой он рассуждал

о некоторых научных предметах, в том числе и о литературе. Правда, взгляды его не отличались оригинальностью, но они были здравы и общепринятыи. Теперь с ним заговорили с почтением.

— Кресло Аббевиля будет занято достойным человеком,— решили все и стали прощаться. Остался только Патар, которого Лалует просил остаться, чтобы переговорить частным образом. Все ушли, также и жена Лалуета.

— Чем могу служить, дорогой коллега? — спросил Патар.

— Я должен сделать вам признание, господин пожизненный секретарь, но это должно остаться между нами. Я считаю, что не должен скрывать этого от вас... Вдвоем мы сможем устранить возможные... затруднения при моем вступительном докладе.

— Какие затруднения при докладе?— с легким беспокойством спросил Патар.— Объяснитесь, дорогой коллега, я вас не вполне понимаю. Вы не сможете самостоятельно составить доклада?

— Гм... не только это меня смущает...

— Так что же?

— А то, что доклад читают.

— Конечно, его читают...Было бы слишком утомительно и ненужно заучивать его наизусть.

— Вот это-то меня и смущает, так как я... не умею читать.

ГЛАВА X

Голгофа Лалуета.

При этих словах пожизненный секретарь подскочил, точно получив удар кнутом по ногам.

— Это немыслимо! — закричал он и уставился на Лалуета, думая, что торговец картинами смеется над ним.— Вы шутите!

— Нет, нет, — отвечал печально Лалует. — Я совсем не шучу.

— Что же это значит? Посмотрите мне в глаза.

Лалует поднял на него свой грустный и честный взор. Нет, он не обманывал. Пожизненный секретарь почувствовал, что мороз пробежал у него по коже. Кандидат в Академию был неграмотен.

— Это ужасно! — сказал он.

Наступило жуткое молчание. Наконец, Лалует решился прервать его:

— Я мог бы это скрыть от вас так же, как и от остальных. Но я счел нужным открыться вам, пожизненному секретарю, чтобы с вашей помощью выбраться из положения. Что вас смущает? Доклад? Ну, что же, он будет не очень длинным, и я его произнесу наизусть. Я сделаю все, что вы хотите... Но вы молчите...

Патар молчал Многое он испытал за эти месяцы, но это было уже чересчур: неграмотный кандидат в Академию... И вместе с тем это был пока

единственный шанс к реабилитации священного числа „сорок“.

Наконец, он овладел собою:

— Как это случилось, что вы неграмотны?

— Я не учился в школе,— отвечал Лалует.— Мой отец, антиквар как и я, с шести лет стал приучать меня к делу. Я выучился скоро ремеслу и, не зная ни одной буквы, уже с семи лет мог отличить Клюни от Алансона и безошибочно разбирался в подписях. Поэтому я смог продиктовать свои труды, заслужившие одобрение принца Кондэ.

Последняя фраза произвела впечатление на Патара.

— Зачем вы сказали мне, что не умеете читать?— набросился он на Лалуета.

— Я хотел быть честным.

— Та-та-та... Я бы это увидел и сам, но после, и это не имело бы значения. Знаете что... будем считать, что вы мне ничего не говорили. Я туг на ухо и мог ничего не слышать...

— Как вам угодно.

— Но это поразительно!.. Ваша эрудиция!.. Вы говорили, как ученый... Где вы почерпнули все свои познания?

— Но вы не обратили внимания, что я комментировал только слова, начинающиеся на букву „а“. Только ее я успел пройти по иллюстрированному словарю Ларусса.

— Почему иллюстрированному?

— Картинки облегчали мне дело.

— А кто вам помог выучить наизусть?

— Жена. Я занялся этим, решив выставить свою кандидатуру в Академию... На этом,—сконфуженно прибавил он,— настаивала жена.

— Тогда вам следовало выучить академический словарь.

— Чтобы вы сразу догадались?.. Благодарю покорно!..

Патар замолчал. Он думал об уме, ловкости и настойчивости этого человека. Наконец, он принял героическое решение:

— Ладно, все будет хорошо, дорогой коллега.

И, выйдя на улицу, он раскрыл зонт, хотя и не было дождя. Но и у пожизненного секретаря Академии есть предел нервам.

ГЛАВА XI

Ужасный призрак.

Едва только захлопнулась дверь за пожизненным секретарем, как г-жа Лалует бросилась к мужу:

— Ну, что, Гаспар?

— Ну, он мне сказал: ладно, дорогой коллега...

— И... он знает все?

— Да.

— Тем лучше... ты исполнил свой долг.

Они обнялись.

— Все эти жертвы для тебя,— сказал Лалует.

Это была чистая правда. Г-жа Лалует вышла за него замуж потому только, что он был писателем, и когда он признался ей в своей неграмотности, это послужило причиной ужасных семейных сцен. Тщетно старалась она обучить мужа хотя бы азбуке... Ее он кое-как усвоил, но слоги ему не давались никак. Она вернула ему часть уважения лишь тогда, когда он стал корреспондентом Академии.

Лалует случайно присутствовал при смерти Максима д'Ольнай. Не будучи ни суеверным, ни глупцом, он поверил в ее естественность и решил рискнуть занять заколдованное кресло. Но происшествие с Мартином взволновало его. Он посетил нескольких членов клуба „пневматиков", сделал визит Раймонду Бессиеру, исследовал шарманку. Наконец, он отыскал старуху, мать Элифаса, от которой узнал, что Элифас давно находится в Канаде и так же интересуется креслом Аббевиля, как прошлогодним снегом. Тогда Лалует решился послать в Академию свое заявление, вызвавшее такой радостный переполох.

Итак, все сошло благополучно, и супруги торжествовали.

— Завтра о твоей кандидатуре будут кричать все газеты...

— Благодаря тебе,— скромно ответил муж.

Они долго смеялись над суеверием и глупостью толпы, обвиняющей Элифаса в трех убийствах.

— Он в Канаде... он в Канаде...— повторяли они, взявшись за руки, выделывая легкие балетные па. Внезапно их руки из горячих стали холодными, как лед. Двойной крик ужаса огласил лавку. За окном они увидели стройную фигуру человека, заглядывавшего в лавку. Это был Элифас.

Человек на тротуаре стоял некоторое время неподвижно. Он был элегантно одет в темный костюм, светлое пальто и мягкую фетровую шляпу.

Супруги Лалует почувствовали сильную дрожь в коленях.

Вдруг человек шевельнулся, открыл дверь лавки и вошел. Г-жа Лалует упала в кресло, муж бросился на колени с криком:

— Пощады!.. Прошу пощады!..

Это было все, что он мог произнести в тот момент.

— Здесь г. Гаспар Лалует?— спросил посетитель, не выражая ни малейшего изумления странному поведению хозяев.

— Нет, нет, не здесь...— закричал Лалует с такой искренностью, что на минуту сам поверил этому. Посетитель спокойно улыбнулся, запер дверь и подошел к нему.

— Полно, Лалует,— сказал он.— Успокойтесь и встаньте. Представьте меня вашей супруге. Не съем же я вас.

У г-жи Лалует мелькнула робкая надежда: не обманул ли их сходство этого человека со страшным Элифасом.

— Сударь,— сказала она,— вы должны нас извинить... Вы как две капли воды похожи на одного нашего родственника, умершего год назад.

— Я забыл вам представиться,— сказал посетитель. — Я Элифас-де-Сент-Эльм-де-Теллеберг-де-ля-Нокс.

— Ах!..— и оба супруга в ужасе закрыли глаза...

— Я узнал, что господин Лалует претендует на кресло Аббевиля в Академии...

— Это ложь!— воскликнул Лалует.— Кто вам сказал такую глупость?..

— ... и я решил лично поздравить вас.

— Вас обманули!..

— Кстати, я хотел бы сказать несколько слов Патару. Где он?

— Я не знаком с ним.

— Значит, в Академии меня обманули?

— Конечно... О, им бы очень хотелось, чтобы я подал заявление, я это знаю... Но им меня не поймать! Я торговец картинами — и баста. Не хочу никаких аббевилевских кресел!.. Сохраните его для себя, г. Элифас.

— Но я его тоже не желаю,— спокойно сказал Элифас.

Супруги переглянулись.

— Вы это говорите серьезно?— спросила г-жа Лалует.

— Совершенно серьезно.

— Но мы думали, что вы в Канаде...

— Я только сегодня вернулся оттуда. Я высадился в Гавре и ехал сюда только потому, что услышал эти глупости о кресле Аббевиля.

— Неужели?

— Я решил сейчас же отправиться к Патару и успокоить его относительно своего участия...

— Ага...

— Я приехал в Академию, но мне там сказали, что Ипполит Патар с коллегами отправился к вам принести поздравления по поводу выставления вашей кандидатуры на кресло Аббевиля. Но я ошибся: вы же его не знаете...

— Сударь, он только что вышел отсюда, — решился Лалует. — Я скажу вам всю правду: да, я кандидат в Академию... Я рискнул на это, в уверенности, что такой человек, как вы, не может быть убийцей, и все утверждающие это — олухи...

— Браво,— вскричала г-жа Лалует. — Гаспар, ты говоришь, как мужчина. К тому же, если господин Элифас претендует на кресло Аббевиля, еще не поздно. Стоит тебе сказать одно слово и...

Но Элифас покачал головой:

— Будьте академиком, господин Лалует, и будьте совершенно спокойны. Что касается меня, то я давно отказался от этих сомнительных почестей. В глуши Канады я вел жизнь простого дровосека, а теперь вернулся сюда в качестве торговца кроликами.

— Торговца кроликами?

— Да,— подтвердил Элифас и стал прощаться. Обрадованные супруги не хотели его отпускать.

— Я тороплюсь,— ответил он. — Как только я увижу Патара и объяснюсь с ним, я должен ехать в Лейпциг на ярмарку.

— Что же вы ему скажете?

— Я ему докажу, что жил все время в Канаде и никого не убивал. Я хочу его разуверить так же, как и вас.

Лалует застонал.

— Но, господин Элифас, как только станет известным, что вы непричастны к этой истории, я навсегда потеряю возможность попасть в Академию.

— Почему?

— Ах, ему никогда не дадут кресла, — проговорила г-жа Лалует. — господин Элифас, прошу вас, подождите объявлять об этом... Все равно никто из здравомыслящих людей не верит в вашу виновность...

— Сударыня! — сказал Элифас. — Успокойтесь. Академия не будет несправедливой и не откажет человеку, выручившему ее в трудную минуту...

— Но тут еще одно... Гаспар, я думаю, ты должен довериться господину Элифасу. Это тайна, господин Элифас, страшная тайна... Но она останется между нами.

И г-жа Лалует тихо сказала ему несколько слов. Тогда Элифас начал смеяться... Он, который никогда даже не улыбался...

— Это великолепно!.. — говорил он, надрываясь от хохота. — Будьте спокойны, мой друг... я ничего не скажу... Да здравствует новый академик!..

Он пожал руки супругам и чинно вышел.

ГЛАВА XII

Нужно быть вежливым со всеми, даже с французским академиком.

Г-жа Лалует не преувеличивала, предсказывая, что на другой день ее муж станет знаменитым. Дом Лалуета не переставали осаждать журналисты, и его портреты появились во всех газетах мира. Лалует принимал эти почести, как нечто совершенно естественное.

Ежевечерно Ипполит Патар тайно навещал Лалуета и вместе с ним разучивал доклад. Лалует действительно обладал превосходной памятью и скоро не только выучил весь доклад наизусть, но и срепетировал, когда нужно переворачивать листы.

Наконец, наступил канун знаменитого дня. Весь Париж был как в лихорадке. Делегации всех газет посещали улицу Лафитт. Никто не сомневался, что Лалует приговорен к смерти, и так как он твердо решил никого не принимать, то г-жа Лалует сама давала ответы всем посетителям. Лалует тайком перебрался в этот день к родственникам на площадь Бастилии и по телефону повторял жене свою диссертацию, автором которой был не кто иной, как

Патар. Последний присоединился к Лалуету в шесть часов.

Все шло хорошо, пока не произошел маленький инцидент.

— Дорогой друг, — говорил Патар. — Заседание будет чрезвычайно торжественным. Все академики будут присутствовать. Вы слышите? Все! Даже великий Лустало, который не потревожил себя ни для Мортимера, ни для д'Ольная, ни для Латуша.

— Как, Лустало будет?

— Он мне написал об этом.

— Это очень мило... ах, чорт побери...

— Что с вами, Лалует, вы встревожены?..

— Гм... я не... я, надо сказать, очень нехорошо обошелся с ним...

— Вы? С ним? Как это?

— Перед тем, как выставить кандидатуру, я посетил великого Лустало, чтобы спросить его о секрете Тота и прочих вздорных слухах, ходивших после смерти Латуша. Он посмеялся над моими заявлениями, и мнение такого видного ученого сыграло большую роль в моем решении...

— Ну, что же... я еще не вижу...

— Постойте. Когда я выставил свою кандидатуру, то по вашим советам сделал ряд визитов...

— Понятно, это традиционный обычай Академии, тем более, что Академия сама первая нанесла вам визит...

— Да, но я совершил большую бестактность. Я не сделал визита великому Лустало, который больше всех имеет право на мою благодарность.

— Как, вы не навестили Лустало?

— Нет.

— Но, господин Лалует, вы нарушили незыблемые традиции.

— Увы, я знаю!..

— Вы оскорбили Академию... Как это вышло?

— Я вам скажу, господин пожизненный секретарь. Я боялся Аякса и Ахилла.

— Вы, такой смелый человек!..

— Я не боюсь химер и всякой там чертовщины, но меня страшат реальные клыки собак.

Ипполит Патар решительно поднялся:

— Идем!

— Куда?

— Исправлять вашу неловкость. Мы отправляемся к Лустало.

— Хорошо. С вами я не боюсь. Вы знаете собак.

— И я их, и они меня.

Они стали одеваться, но в этот момент раздался телефонный звонок.

— Это, вероятно, жена, — сказал Лалует. — Я ее предупрежу, что мы уезжаем.

Он взял трубку и стал слушать... Постепенно его лицо исказилось от ужаса и стало зеленого цвета.

— Что случилось? — взволновался Патар.

— Письмо от Элифаса, — простонал Лалует.

Патар тоже изменил свою окраску с розовой на желтую и схватил добавочную трубку. Оба с волнением выслушали текст письма, которое читала им г-жа Лалует.

Дорогой г. Лалует!

Я радуюсь вашему успеху и уверен, что такой человек, как вы, не должен опасаться каких-либо непредвиденных случайностей, которые могли бы прервать течение вашего доклада. Как вы можете видеть по почтовому штемпелю, я все еще в Лейпциге, но с тех пор, как я с вами познакомился, я очень заинтересовался этой странной историей в Академии. И вот что, по зрелом размышлении, я об этом думаю. Действительно, естественно ли, что трое академиков умирают один за другим как раз перед занятием кресла д'Аббевиля? Быть может, кто-нибудь реально заинтересован в их смерти.

Я могу ответить на это следующее: если я не убийца, то это еще не значит, что на свете нет вообще убийц.

Я лично убежден в преступлении. Но вас это не должно останавливать. Даже если существовали причины для устранения Мортимера, д'Ольная и Латуша, очень вероятно, что таковых не существует для г. Лалуета.

Так что для беспокойства нет оснований.

Мои лучшие пожелания г-же Лалует.

Элифас-де-Сент-Эльм-де-Теллеберг-де-ля-Нокс.

— Уф, — облегченно вздохнул Лалует, — а я то думал...

Но Патар так никогда и не узнал, что думал Лалует.

ГЛАВА XIII

В поезде.

В купэ поезда, шедшего в Варенн-Сент-Иллер, сидели Ипполит Патар и Гаспар Лалует. Какое-то странное томление овладело ими, может быть, от пережитых волнений... Они лениво разговаривали. Патар давал Лалуету практические советы, как он должен себя держать с великим Лустало, а Лалует рассеянно слушал, видимо, думая о чем-то другом.

— Да, кстати, — сказал внезапно Патар. — Знаете ли вы, где впервые встретились эти трое несчастных... Мортимер, Латуш и д'Ольнай?

— Нет.

— Здесь, в поезде, представьте... Они, как и вы, ехали к Лустало, чтобы сделать ему официальный визит перед избранием. Они вернулись все вместе. До этого, как я сказал, они совершенно не знали друг друга. Но тотчас же они как-то объединились, начали тайно встречаться и о чем-то таинственно совещаться. Очевидно, в пути с ними произошло

что-нибудь ужасное, раз какая-то тайна их так странно объединила.

— Может быть и так... но со мною-то ведь ничего не случилось, ни в пути, ни у Лустало, когда я ехал к нему в первый раз.

— Да, это меня успокаивает, а иначе...

Патар нервно погладил ручку зонтика.

Поезд остановился на станции Варенн. Оба пассажира вышли на перрон.

— М-сье Патар,— со вздохом сказал Лалует.— Вы должны были бы рассказать мне все это еще при первом посещении.

ГЛАВА XIV

Человеческий крик.

На глухой станции они не нашли извозчика и решили идти пешком.

Стемнело.

На мосту Шенневьер, у поворота дороги, ведущей к дому Лустало, Лалует остановил своего спутника:

— Итак, дорогой м-сье Патар, вы не верите, что они могут меня убить.

— Кто они?— нервно вскричал секретарь, сжав свой зонтик.

— Почем я знаю, кто... Они... те, что убили остальных...

— Да кто вам сказал, что они были убиты?

— Да вы же.

— Я?.. Я ничего не сказал, потому что я сам ничего не знаю...

Они пошли в молчании.

Наконец Лалует произнес с бесподобной искренностью:

— А это совершенно необходимо?

— Что?

— Чтобы я... прочел свой доклад?

Патар только пожал плечами.

Они дошли до Марны. Темнота все сгущалась. Пожизненный секретарь дружески взял под руку взволнованного кандидата. Он старался рассеять его мрачные мысли, описывал, не жалея красок, предстоящий триумф, славу в летописях Академии и гордость г-жи Лалует. Ему удалось захватить внимание Лалуета, развеселить его так, что среди поля они даже обнялись и расцеловались, громко выражая свой восторг. Смеясь, они и не заметили, как подошли к решетке дома великого Лустало.

— Берегитесь собак, — предупредил Лалует.

Но собак не было слышно. Ипполит Патар позвонил. Никто не являлся. Решетка была не заперта.

— Войдем, — решил Патар.

— Я боюсь собак.

— Э, пустяки, я их давно знаю...

— Хорошо. Но идите вперед, — согласился храбрый Лалует.

В полном мраке и тишине они дошли до крыльца. Дверь дома была приоткрыта. Они вошли. Газовый рожок тускло освещал переднюю.

— Есть тут кто-нибудь? — закричал Патар.

Молчание. Они ждали в глубокой тишине. Все двери, выходившие в переднюю, были закрыты.

И вдруг, пока они так стояли в нерешительности, смущенные, со шляпами в руках, стены дома вздрогнули от ужасного крика.

Страшный человеческий вопль разорвал тяжкое молчание ночи.

ГЛАВА XV

Клетка.

Волосы на голове пожизненного секретаря встали дыбом.

Лалует, внезапно ослабев, прислонился к стене.

— Вот он—этот вопль,—пролепетал он.—Раздирающий человеческий вопль.

Патар нашел в себе силы произнести:

— С кем-нибудь произошло несчастье... Надо посмотреть.— Но он не двинулся с места.

— Нет, нет,—зашептал Лалует,—это тот самый крик... я узнал его... он постоянно слышится в этом доме...

— Тссс... слушайте...

— Опять начинается...

До них донеслись жалобные рыдания, стоны.

— Я вам говорю, что случилось несчастье! Крик идет откуда-то снизу, из лаборатории... Может быть, Лустало дурно?..

И Патар двинулся к лестнице.

В передней, как уже сказано, имелась лестница, которая вела в верхний этаж, в „гостиную“ Лустало, но под ней была другая, которая вела вниз, в лабораторию.

— Я говорю, что с Лустало что-то случилось,— сказал храбрый Патар и стал спускаться по лестнице. Лалует робко последовал за ним. Чем дальше они спускались, тем явственнее становились стоны и плач. Наконец, когда они добрались до лаборатории, звуки затихли. Лаборатория была пуста. В ней был образцовый порядок: все приборы и инструменты были вычищены и расставлены по местам. Ясно, что это не была рабочая лаборатория, а скорее показная.

— Странно,— сказал Лалует,— никого нет.

— Да...

И вдруг снова раздался раздирающий человеческий крик. На этот раз они различили, что он несся из-под земли.

— Крик из-под земли,— пролепетал Лалует.

Но Патар указал ему на открытый трап в полу.

— Это оттуда,— сказал он.— Кто-нибудь упал туда и сломал ногу.

Он наклонился над трапом. Крик снова прекратился.

— Удивительно,— сказал пожизненный секретарь, вглядываясь,— есть комната, которой я не знал, будто вторая, подземная лаборатория.

И он начал спускаться по ступеням, благоразумно осматриваясь.

Подземная лаборатория, как и верхняя, была освещена газом. Она была обставлена, как первая, но все вещи были разбросаны в беспорядке.

Патар искал, Лалует широко раскрыл глаза, но они никого не видели. Внезапно они испустили крик. Один угол комнаты был отгорожен решеткой. И за этой решеткой, как запертое животное, сидел человек и смотрел на них сверкающими глазами.

Долго длилось испуганное молчание. Наконец, человек за решеткой заговорил:

— Вы пришли освободить меня?.. Тогда поторопитесь... я их жду... Они вернутся и убьют вас, как мух.

Ни Патар, ни Лалует не пошевельнулись.

— Да вы глухи, что ли!—продолжал незнакомец.— Я вам говорю, что он убьет вас, как мух, если узнает, что вы видели меня... спасайтесь... спасайтесь... вот они идут... я слышу... гигант сотрясает землю своей поступью... они кинут вас на растерзание собакам...

И действительно, сверху раздался свирепый лай.

На этот раз оба посетителя поняли. Они заметались, ища выхода из подземелья.

Пленник потрясал решетку, точно желая сокрушить ее, и повторял:

— Убьют, убьют... Они узнают, что вы проникли в их тайник... в секрет великого Лустало...

Патар в ужасе ринулся к трапу...

— Не туда,—прорычал человек за решеткой.— Ах... вот они... вот они, с собаками.

Действительно, вой собак стал лучше слышен.

— Но куда, куда?—закричал Патар.

— Он вас убьет, как мух!.. Молчите и слушайте... Ах, если вмешаются собаки, дело будет плохо... Молчите же!..

Патар и Лалует, мысленно видя уже страшные клыки Аякса и Ахилла, бросились к решетке и умоляли пленника спасти их, но тот схватил их за волосы и жестоко потряс, чтобы заставить слушать себя.

— Тише же... мы спасены... все трое... Собаки... шум привлечет их... гигант ни о чем не знает... У вас есть еще шанс... живо... в ящике стола ключ...

Лалует и Патар одновременно вырвали ящик из стола.

— Ключ,—шептал заключенный.—Откройте проход... собаки на цепи... нужно этим воспользоваться...

— Но где ключ? — кричали оба, тщетно обыскивая ящик.

— Ключ от лестницы, которая ведет во двор... Живо ищите, он всегда кладет его сюда, когда покормит меня!..

— Да здесь нет ключа!..

— Значит, Тоби унес его... а, негодяй!.. Тише, не двигайтесь... вот они... спускаются по лестнице...

Лалует и Патар метались по комнате, готовые залезть под стол или спрятаться в шкап.

— Не теряйте голову, или вы погибли!.. Вот... в углублении камина... да, да, там... по одному с каждой стороны... не шевелитесь... сейчас он идет сюда... но если он вас увидит, он вас убьет, как мух... как мух...

ГЛАВА XVI

Уши чтобы слышать.

Патар и Лалует, оба близкие к агонии, устремились к большому камину и спрятались по углам его. Там была глубокая тьма. Они ничего не могли видеть и воспринимали всю внешнюю жизнь лишь при помощи слуха.

Сначала спустился по лестнице гигант Тоби.

— Вы опять оставили открытым трап, хозяин,— ворчал он.—Вы увидите, это когда-нибудь принесет нам несчастье.

Потом они услышали тяжелые шаги. Гигант подошел к решетке.

— Дедэ должен был воспользоваться этим, чтобы кричать, как зарезанный... Ты кричал, Дедэ?..

— Конечно, он кричал,— отвечал низкий голос Лустало.—Я его сам слышал. Но в этот час в окрестностях нет никого.

— Ничего нельзя знать заранее,—ворчал гигант.— Посетитель может явиться, как в тот раз. Нужно всегда запирать трап, так спокойнее. Собаки ужасно беспокоились в этот вечер. Они были в таком же бешенстве, как в тот вечер, когда мы нашли трех молодчиков перед клеткой Дедэ.

— Не говори мне никогда об этом ужасном вечере, Тоби.

— Я был уверен,— продолжал гигант,— что тот вечер принесет нам несчастье, но он принес его им: они умерли, неправда ли?..

— Да, все трое.

— И это,— выразительно произнес гигант,— пришлось очень кстати.

И он захохотал.

Лустало молчал. Вдруг по комнате пронесся вздох ужаса.

— Ты слышал?..— спросил Лустало.

— Это ты, Дедэ? — спросил гигант.

— Да, это я.

— Ты болен?—спросил Лустало.—Тоби, посмотри, что с ним. Может быть, ты голоден?

— Слушайте,— сказал пленник.— Вот формула. Она закончена. Теперь вы можете дать мне поесть: я хорошо заработал свой ужин.

Послышался шелест бумаги, которую пленник протянул Тоби через решетку. Наступила тишина, пока Лустало рассматривал написанное.

— Чорт побери!—закричал он.—Ты мне не говорил, что работаешь над этим.

— В течение восьми суток днем и ночью я работал только над этим.

— Какой гений,—сказал Лустало.—Он заключил свое открытие в прекрасную формулу. Но это чистая алхимия, мой мальчик!.. Твое открытие—это превращение металлов.

— Да, больше не смогут утверждать, что материя неизменна.

— Что ты хочешь за твой труд, Дедэ?..

— Я хотел бы конфект и стакан хорошего вина.

— Хорошо. Тоби, сегодня ты дашь ему стакан вина. Это не принесет ему вреда.

Но вдруг Патар и Лалует из своего темного убежища услыхали, как пленник стал метаться по клетке, словно дикий зверь.

— Убийца!..— рычал он.— Разбойник, чудовище, которому я даю славу и которое платит мне куском хлеба!.. Твои преступления будут известны Франции!.. Правосудие найдет тебя!.. Когда-нибудь сюда придут люди, которые меня освободят!.. И вы их не сумеете убить!..

— Довольно... Тоби, заставь его замолчать.

Из-за решетки донесся шум, возня...

— Я не замолчу, негодяи!.. А-а-а!.. На помощь, на помощь!.. Нет, нет... довольно... довольно... я же молчу... я молчу!..

Шум за решеткой стих. Был слышен только тихий стон, как бывает у человека, постепенно успокаивающегося после припадка гнева, или... умирающего...

ГЛАВА XVII

Некоторые открытия Дедэ.

Вскоре после этого в лаборатории опять воцарилась полная тишина. Патар и Лалует в своих углах не подавали признаков жизни.

— Вы можете выйти, они ушли,—сказал человек за решеткой.

Тишина.

— Умерли вы, что-ли?

Тогда в полумраке лаборатории, освещенной теперь только газовым рожком в клетке, осторожно показались два силуэта.

— Идите смелей,—сказал Дедэ.—Они не вернутся до ночи. Трап заперт, и никто не войдет.

Оба посетителя со всевозможными предосторжностями подошли к решетке.

— Бедняга! — сказал Патар.

— Мы думали, что вас убивают,—добавил Лалует.

— И все-таки остались в камине? — с упреком сказал Дедэ.

Они не пытались отрицать истины и лишь объяснили, что ноги отказались им служить и что, будучи

академиками, они не имеют навыка в такого рода приключениях.

— Академики...—задумчиво сказал Дедэ.— Некогда сюда спустились тоже трое академиков, и я их больше не видел никогда. Из разговора этого негодяя с Тоби я узнал, что они умерли, что он убил их, как мух...

Весь разговор шел тихим шопотом.

— Сударь,—взмолился Лалует.— Есть ли какое-нибудь средство выйти отсюда?

— Конечно,— сказал пленник.—По лестнице, ведущей отсюда прямо во двор.

— Но ключ, о котором вы говорили...— произнес Патар.

— Он у меня в кармане. Я вытащил его у гиганта. Я дал ему возможность заставить меня замолчать, чтобы он вошел в клетку...

— Так вы думаете, что мы можем уйти?

— А вы вернетесь за мной?

— Клянемся!..

— Те другие тоже клялись, что вернутся.

Ипполит Патар вступился за честь Академии:

— И вернулись бы, если бы были живы.

— Это правда. Он их убил, как мух. Но вас не убьет, потому что не видел вас. Только будьте осторожны...

И он протянул им маленький ключ.

Оба подошли уже к дверям, но тотчас же отступили: сверху вновь донесся вой собак.

— Вам придется подождать час, пока Тоби принесет им поесть,—сказал Дедэ.— Когда они едят, то ничего не слышат.

— Еще целый час! — вздохнул Лалует, проклиная тот день, когда ему пришла мысль сделаться академиком.

— Но я ведь здесь сижу целые годы!

— Мы вас спасем,—заверил его Лалует.

Но как он попал сюда? — думал Патар. Это было такое преступление Лустало, что Патар даже боялся поверить своим глазам. Что касается Лалуета, то он сразу решил, что Лустало запер в клетку этого гения и заставляет его делать поразительные открытия за кусок хлеба. Может быть он открыл и секрет Тота?

Человек за решеткой зашевелился:

— Доказательство существования секрета Тота то, что они умерли,— ответил он на вопрос Лалуета.— Однажды он спустился сюда в полнейшем бешенстве и орал так, что дом дрожал. Он потребовал у меня еще некоторых открытий. Ах, как он меня измучил с этим секретом Тота! Он не оставил меня в покое, пока я не открыл ему т р а г и ч е с к и е з а п а х и... п о р а ж а ю щ и е л у ч и... у б и в а ю щ у ю м у з ы к у... Он сумел их использовать, как я вижу. Но мне не хватает подробностей. Я хотел бы знать, видел ли кто-нибудь результат действия, ожоги, как бы от солнечного удара?

Ипполит Патар подскочил. Он вспомнил об ожогах, обнаруженных на лице Максима д'Ольнай, и сказал со вздохом:

— Да, ожоги были.

— Были? В таком случае, это была смерть при помощи света. Ну, а другой?.. Что было у него? Вы понимаете, мне только этих подробностей не хватает... Что нашли у другого?

— Как будто ничего.

— Ничего... Конечно, запах был трагический... Он не оставляет следов... Он заключен в письме... письмо вскрывают, читают, вдыхают запах и... до свидания!.. Но третьего он должен был убить при помощи...

Тут вой собак донесся снова, и разговор оборвался. Затем лай постепенно стал удаляться, пока не стих совершенно.

— Им сегодня не дадут есть, что ли? — пробормотал Дедэ.

Патар с сильно бьющимся сердцем нашел в себе силы сказать:

— Мне кажется, третий имел кровотечение из носа...

— Ага,— воскликнул Дедэ.— Этот был убит при помощи звука... Внутреннее кровоизлияние уха... через Евстахиевы трубы, проникающие через горло в нос... Наконец-то мы дошли до этого!.. Да, это ужасно, но от этого можно уберечься. Вам известно существование ультра-фиолетовых лучей в солнечном

спектре? Это химические лучи, разрушающе действующие на ретину. Вам знакомы эти продолговатые ртутные лампы?.. Эти лампы дают тот дьявольский свет, который...

Снова завыли собаки... Они почуяли чужих...

— Так вот,— продолжал Дедэ,— вместо того, чтобы пользоваться стеклом, я сделал кварцевую оболочку и заключил ртутную лампочку в маленький глухой фонарь, в котором помещена катушка, приводимая в действие крохотным аккумулятором. Смертельное действие лучей на глазной нерв убийственно. Один луч, один единственный, который я направлю при помощи диафрагмы, убивает верно и точно. Ретина получает страшный удар, приводящий к немедленной смерти. Этот феномен после меня открыл Броун-Секкар, но не для такого дьявольского употребления. Это так же верно, как то, что меня зовут профессор Дедэ. Что касается второго изобретения, то я назвал его „уховерткой". Это маленькая трубка, которую можно поместить в орган, шарманку, любой музыкальный инструмент, который может издать фальшивую ноту. Что может быть ужаснее для музыкального уха, чем фальшивый звук?.. Он всякого режет по нервам... Мои электрические волны, более быстрые и проникающие, чем волны Герца, заставляют эту фальшивую ноту дать такой удар мозгу, что слушатель, ожидающий нормальную ноту, падает мертвым, Конечно, это действует только на музыкальных

людей. Но если бы эти люди знали, что им делать, они спаслись бы.

— Что?... Что?— закричали оба посетителя.

— Я бы носил синие очки и затыкал бы уши ватой... Тсс... внимание... шаги... это наверно он с маленькой дьявольской лампой в одной руке и страшной уховерткой в другой... Ах, я не дам ни гроша за вашу жизнь... вы умрете, как другие... вы не вернетесь никогда, никогда...

Действительно, наверху послышались шаги... Патар и Лалует стремглав помчались к маленькой двери, отперли ее и под крики пленника—„никогда, никогда“, преследуемые кошмарной мыслью о поражающем луче и убивающей музыке, вихрем промчались по лестнице и выбежали на двор, забыв даже о собаках. К счастью, собак не было.

Затем началось дикое бегство по поляне, пока они не набрели на дорогу. Проезжавшая мимо телега подвезла их на вокзал, где они вздохнули свободно после стольких приключений, которые ошеломили бы кого угодно, а не только двух академиков.

ГЛАВА XVIII.

Тайна великого Лустало.

Улица Лафитт была черна от народа. Изо всех окон высовывались головы любопытных. Журналисты и фотографы запрудили тротуар. В глубине души каждый был убежден в неминуемой смерти Лалуета.

Но так как он оставался невредимым, то оживление все возрастало.

Лалует и Патар провели ужасную ночь. Приехав домой, они все рассказали г-же Лалует, и она настаивала, чтобы обо всем немедленно сообщить полиции. Но Патар тронул ее своим красноречием и уговорил подождать с решительными действиями. В конце концов, будучи уверенными, что проникновение их в секрет великого Лустало осталось для ученого тайной, они успокоились. Было решено, что они с самого утра запрутся в маленьком кабинете при Академии, закрытом для всех и, следовательно, для Лустало. Здесь они дождутся начала заседания.

Наконец, они купили вату и синие очки.

Заткнув уши ватой и надев синие очки, Лалует и Патар ждали в маленьком кабинете. До торжественного момента осталось всего несколько минут. Из зала доносился смутный шум.

— Пора, — возгласил Патар и, взяв под руку Лалуета, решительно отпер дверь. Дверь отворилась и потом захлопнулась. Оба отступили с криком ужаса: перед ними стоял великий Лустало.

— Однако... — произнес он слегка дрожащим голосом. — Вы носите очки, господин пожизненный секретарь. Как, и вы тоже, господин Лалует! Здравствуйте, господа, давно я уже не имел чести вас видеть...

Лалует пробормотал нечто нечленораздельное, Патар попытался взять себя в руки: минута была решительная. Но его волновало то, что Лустало держал одну руку за спиной. Без сомнения, он что-то старался спрятать. Патар, не теряя ни на минуту его из вида, произнес:

— Да, мы с Лалуетом обнаружили, что у нас несколько утомилось зрение.

Лустало сделал шаг вперед. Оба отступили на шаг.

— Где же это вы обнаружили?.. Не у меня ли вчера вечером?..

Лалует вздрогнул. Патар протестовал и клялся, что ни он ни Лалует не покидали Парижа.

Лустало криво улыбнулся. Вдруг он вытянул вперед руку, которую до того прятал за спиной. Оба в ужасе отпрянули назад и поспешно поправили очки, ожидая увидеть страшную лампочку или уховертку. Но в руке у Лустало был... зонтик.

— Мой зонтик!— вскричал Патар.

— Да, ваш зонтик, который вы забыли в поезде, когда ехали от меня. Служащий дороги, знающий вас и меня, передал его мне. А вы находите, что я рассеян!.. Нет, это вы так рассеяны, что забыли зонтик.

И он швырнул его на стол, продолжая наступать.

— А, похитители моего секрета, вы спускались в погреб, пока меня там не было, как воры!.. Вы видели Дедэ!.. Снимите ваши очки, идиоты!.. Вы еще

наверно насовали себе и ваты в уши?.. Безумец Дедэ!.. И вы поверили, что он изобретает для меня из-за куска хлеба!.. Вы узнали и секрет Тота, и лучи, и музыку, которая убивает, и все его безумие.

Лустало упал в кресло и зарыдал с таким отчаянием, что сердца академиков смягчились.

— Бедный безумец! — говорил Лустало.— Бедное дитя, м о е д и т я. Да, господа, это м о й с ы н! Понимаете вы теперь, мой сын безумец... опасный сумасшедший... мне позволили оставить его у себя, только держа взаперти... Мой единственный сын... Его чуть не отняли у меня... Стоит вам сказать одно слово и его у меня отнимут... Моего ребенка...

И он рыдал отчаянно... Патар и Лалует поняли трагедию безумца за решеткой... Но три смерти...

Патар робко коснулся рукой плеча Лустало.

— Мы не скажем ничего. Но до нас трое также обещали молчать и умерли...

Лустало поднялся.

— Несчастные, они умерли только от страха перед смертью... Что вы хотите от меня?.. Но у вас, сударь, здоровье хорошее?..— обратился он к Лалуету.

Но прежде, чем Лалует ответил, в кабинет вошли академики и потащили его в зал.

Двор, зал и кулуары Академии гудели от говора толпы. Несмотря на вату в ушах, Лалует не потерял ничего из этого шума славы. Входя в залу, он

очутился нос к носу с Лустало. Он наклонился к нему и сказал на ухо:

— Вы спросили, как мое здоровье?.. Спасибо, оно превосходно. Я твердо верю всему, что вы нам рассказали. Но я не рекомендовал бы вам содействовать моей смерти, так как я принял свои меры предосторожности. Я собственноручно записал все, что мы видели и слышали у вас, и это письмо будет вскрыто немедленно после моей смерти.

Лустало с улыбкой посмотрел на Лалуета и ответил просто:

— Это неправда, потому что вы не умеете писать...

ГЛАВА XIX

Четвертый кандидат.

Для Лалуета было уже поздно отступать. Его заметили в зале и оглушительным „браво“ приветствовали его появление.

„Каким образом Лустало мог узнать, что я неграмотен? До сих пор секрет тщательно сохранялся. Ни Патар, ни Элифас, ни жена не могли выдать меня. Я полагал, что держу Лустало, а оказывается, наоборот, он меня держит. Впрочем, чего опасаться в очках и с ватой“, — рассуждал Лалует на трибуне.

Звякнул звонок. Лалует начал свою диссертацию, переворачивая листы, точно действительно читал доклад. Его превосходная память работала во всю,

но он все время, машинально говоря заученные фразы, размышлял:

„Как он мог узнать, что я неграмотен?“...

Внезапно он ударил себя по лбу и, прервав свой доклад, воскликнул громко:

— Я нашел!

На этот неожиданный жест и крик вся зала ответила воплем; все вскочили на ноги, ожидая увидать его смерть. Но, после легкого кашля, чтобы прочистить горло, Лалует объявил:

— Это пустяки, я продолжаю... Этот бедняга Латуш, так преждевременно...

Он вновь обрел спокойствие, и речь его текла плавно и мерно. Он говорил о смерти других с видом настоящего бессмертного. Зал прерывал его аплодисментами. Лалует был спокоен: он вспомнил. Возвращаясь в первый раз от Лустало, он залез в купэ для дам и на протест кондуктора доказал ему с помощью своего воинского билета, что он неграмотен... Ну, ясно, что это был тот же кондуктор, что нашел зонтик Патара.

— Господа,— говорил Лалует,— Аббевиль был, как и я, сыном народа...

Он остановился. Академический курьер пересекал залу, держа в руке письмо.

Когда публика увидела это, хор голосов раздался в зале:

— Нет, нет... не открывайте!.. Не читайте!.. Опять письмо!..

Лалует понял. Глаза, уши... гм... но трагический запах... гм... Он выпрямился и, указывая на письмо, спокойно произнес:

— Со мною это не пройдет. Я не умею читать.

Раздался взрыв одобрительного хохота. Все с восторгом приветствовали шутку академика. Как он смел и как остроумен!.. Ха-ха! Он не умеет читать!.. Какой остроумный!..

Триумф Лалуета был полный. Коллеги спешили пожать ему руку, и заседание окончилось необычайно торжественно.

Сороковой академик был избран, и благополучно.

Через некоторое время после триумфа Лалуета у Лустало умер сын. Ипполит Патар и Лалует были приглашены на погребение, которое совершалось вечером в несколько таинственной обстановке.

На кладбище Лалует был сильно заинтригован присутствием одного таинственного лица. Когда великий ученый упал на колени, незнакомец склонился над ним, как бы желая утешить его в горе. Фигура незнакомца была совершенно скрыта плащем и шляпой, но общий вид показался Лалуету знакомым. Пока он старался вспомнить, кто это, незнакомец скрылся.

Два года спустя Лалует под руку с Патаром шли однажды в Академию. Внезапно Лалует замедлил шаг.

— Видите вы того человека перед нами?— сказал он.— Он не отходил от Лустало в день похорон.

В этот момент незнакомец обернулся.

— Элифас!..— воскликнул Лалует.

Действительно, это был он.

— Что поделываете, м-сье Элифас?

— Попрежнему торгую кроличьими шкурками.

— И не хотите в Академию?

— Нет, если там вы.

Лалует принял это за комплимент, поклонился и продолжал:

— Скажите, это не вы были на похоронах сына Лустало?

— Да, я.

— Я тоже вспоминаю, что видел вас,— заметил Патар. — Великий Лустало так потрясен несчастьем, что даже перестал бывать в Академии.

— Да,— заметил Элифас.— Настолько потрясен, что со смертью Дедэ ничего больше не изобрел.

И, произнося эту странную фразу, Элифас удалился, а Лалует и Патар в смущении продолжали свой путь в Академию.

Как только оба друга заперлись в кабинете Академии, Лалует объявил, что совесть не позволяет ему больше хранить преступную тайну Лустало. Тщетно уговаривал его Патар пощадить честь Академии, Лалует был непреклонен.

В разгар спора в дверь постучали. Это был швейцар, который подал объемистый пакет с надписью:

Господину пожизненному секретарю.

Вскрыть в частном заседании Французской Академии.

Патар узнал почерк Лустало и задрожал. Но потом решительно вскрыл письмо и нашел там толстую тетрадь с надписью:

„Это мое признание"

Патар стал его читать, переворачивая страницу за страницей. Наконец, он кончил чтение, повертел тетрадь в руках и бросил ее в горящий камин, после чего вздохнул с облегчением.

Он протянул руку Лалуету:

— Вы правы. Лустало был преступником. Он сам сознался. Забудем о нем. Он умер и заплатил свой долг. А Академия жива. Заплатили ли вы ей свой долг? Ведь это совсем не трудно. Ну же: бе, а — ба, бе, е — бе, бе, и — би, бе, о — бо... Ах, как вам туго даются слоги!

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Смерть одного героя	5
Заседание в зале Энциклопедии	10
Ящик, который ходит	18
Мартин Латуш	36
Опыт № 3	51
Музыка, которая убивает	54
Секрет Тота	60
Уменьшение бессмертия во Франции	75
Положение бессмертия во Франции улучшается	76
Голгофа Лалуета	83
Ужасный призрак	85
Нужно быть вежливым со всеми, даже с французским академиком	91
В поезде	95
Человеческий крик	96
Клетка	98
Уши, чтобы слышать	102
Некоторые открытия Дедэ	105
Тайна великого Лустало	110
Четвертый кандидат	114